

Юрий Матвеев

*Ещё не всё
со мной случилось*

ББК 84(2Рос-Рус)

М 333

М 333 Юрий Матвеев.

Ещё не всё со мной случилось:
стихотворения. – Анжеро-Судженск. –
Новый формат, 2021. – 290 с.

Все привычно

Всё вокруг обыденно и просто.
И привычно, вплоть до мелочей.
Если б в этом мире не был гостем
Средь таких же, как и ты, гостей.

Вечность иллюзорная маячит,
Как надежды слабый огонёк.
Жизнь без веры разве что-то значит,
Будь любой у этой жизни срок?

Вера наполняет жизнь смыслом.
Вера, как любовь – не напоказ.
Всё в тебе – и образы и мысли.
Только смерть, как будто не для нас.

Всё привычно, даже ночью – звёзды.
Листья, птицы, ветер и трава.
Только жаль, что рано или поздно,
На́ руки склонится голова.

Для других останется привычным:
Солнце, радуга, деревья и цветы.
Ароматная поляна земляничная.
И привычные, беспечные мечты.

Covid

Ночь, как будто предчувствует, знает заранее,
Что я сдамся на милость горячий и слабый.
Не убитый и даже нисколько не раненый.
На постель громоздящийся, как на корабль.

А на мачтах повисли промокшие простыни.
Ночью им никогда, до конца не просохнуть.
Мне пристать в Ливерпуле, а может быть в
Бостоне.

Или просто на рее повиснуть и сдохнуть.

И ТЫ СО МНОЙ

Как далека дорога к Богу –
Длиною в жизнь.
Такая дальняя дорога –
Лишь оглянись.

Едва виднеется начало
За сонмом лет,
Где мамины глаза устало
Глядят мне вслед:

Свою судьбу, как не пытайся –
Не обмануть.
И от любви не отрекайся,
Не позабудь.

И пусть *тебя* навек забудут.
И предадут.
Своей души былую смуту
Не позабудь.

Не позабудь. И будь счастливым,
Храня любовь.
Будь гордым, но не горделивым.
Господь с тобой.
И я с тобой.

Я не искал любви

Я не искал любви. Она во мне жила
С рождения, как с сотворенья мира.
Она меня всю жизнь берегла,
И в сумерках смятений мне светила.

Она была частицей естества.
А может даже и его основой.
Она, то теплилась едва-едва.
А то, вдруг вспыхнув, разгоралась снова.

И смыслом наполнялось бытие.
Бледнели тени всех моих сомнений,
Всё возвращалось, что терял, ко мне.
Всё возрождалось из былых забвений.

Ещё не всё со мной случилось

Ещё не всё со мной случилось.
Ещё не всё произошло.
Но то, что было – не забылось.
Ещё быльём не поросло.

Мне время славное досталось.
О том сегодня не прочесть.
История перевиралась,
Переиначивалась честь.

Я вдруг узнал, что жил я плохо,
В какой-то нищенской стране,
В которой позабыли Бога,
Погрязнув в вечном трудодне.

И не было громадных строек,
Великих не было имён?
Что было сделано – пустое,
В союзе множества племён?

Но человеческая память
Всё, что ни сделано – хранит.
Другого цвета было знамя,
Других героев чтит гранит.

И я всё то, что было – помню.
«Не выбирают времена».
Во мне как вспышки ярких молний –
Друзей ушедших имена.

А что ещё со мной случится –
Я в книге судеб не прочту.
Ночь. Улица. Фонарь. Не спится.
Я сам с собой. Начистоту.

И жизнь одна

Все время слышу: помни, жизнь одна.
А, что ж не помнить – истина простая.
И вот опять, в который раз, весна.
Но снег, как и печаль моя, не тает.

Уже светает, гаснут фонари.
И ночь, бессонная, уходит по-английски.
Я вижу зарождение зари
На горизонте. Путь туда неблизкий.

Лишь, кажется, что горизонт далёк.
Да и заря, как свет в конце тоннеля.
Всему свой самый, самый верный срок.
И жизнь одна. Одна на самом деле.

Всё повторяется. Я видел много раз
Как за весною вновь приходит лето.
Не повторится только жизнь. Придёт свой час –
Прервётся этой жизни лучик света.

Вирус власти

Нет вакцины от вируса власти.
Поражает не тело – душу.
Этот вирус похож на свастику.
Как паук эту душу душил.

У того кто сидит на троне,
Даже вирус и тот в короне.

Не выходи из комы

Не выходи из комнаты,
не совершай ошибку...»

И. Бродский

Не выходи из комы, не совершай ошибку,
Иначе мозги потребуют перепрошивку.
В реальности бессмысленно всё, даже счастье.
Если очнешься ты – сразу же возвращайся.

Не выходи из комы, придется делать выбор.
Ничто не имеет значения, только прибыль.
Никто не поможет, ведь это сейчас не в моде.
Нельзя говорить о царе, тем паче – свободе.

Не выходи из комы, не разрешат вернуться.
Ты же не хочешь от нынешней жизни
свихнуться?

В коме, как в домике, ты – черепаха, улитка.
Что тебе прибыль, если не будет убытка?

Что тебе и конституция и император?
Что тебе дьявол, пусть даже он носит prada
Что там микробы, бациллы, коронавирусы?
В жизни реальной нет плюсов – одни только
минусы.

Не выходи из комы! В твоей голове –
Вселенная.

Захочешь, будешь Создателем.
Пренебреженно.

Не выходи из комы. Все, что не делается –
к лучшему.

Отпускай летчика, шофера, таксиста, кучера.

О чем подумаю в последнюю минуту?
И промелькнет ли жизнь тогда передо мной?
Душа к какому приготовится маршруту,
Когда прервется быстротечный путь
земной?

А если вдруг во мне рифмованные строки
Опять засветятся, затеплятся, а я
В совсем короткие собраться должен сроки,
Чтобы отправиться в небесные края.

Не записать, не прочитать без промедления,
Не прошептать тех строк, чтоб выпустить
на свет
Совсем короткое мое стихотворение,
Как выдох, как последний в жизни след.

Но даже так. Пусть будет то, что будет.
А будет вовсе мне не до стихов.
И губы мне не сквозняки остудят.
И никаких не нужно будет слов.

Не становитесь чужими,
Не только на час, но на миг.
Любимые уязвимы –
Им шёпот иной, словно крик.

И тягостное молчанье
Любимых – невмоготу.
Молчание, как прощанье –
Как взгляд в пустоту, темноту.

А пустота беспросветна.
Кромешная темнота.
Мимо проходят бесследно
Только лишь поезда.

Не становитесь чужими.
Чужие – другие, не вы.
И будут едва различимы
Следы испытаний любви.

Больше Богу делать нечего –
Бережёного беречь?
Не бывает в мире вечного,
Жги хоть сотню толстых свеч.

От чего ему беречься –
От любви, да от врагов?
И враги, они не вечны.
И бывает ли любовь?

Осторожен, осмотрителен.
Шаг за шагом – день за днём.
Только век пройдёт стремительно,
Всё сжигающим огнём.

Кто запомнит бережёного?
Да и Бог ли уберёт
В самого себя влюблённого,
Не познавшего тревог?

Нам уже не нужны оперы.
Нам достаточно только арии.
Мы как жалкие ксерокопии –
Ни Христа среди нас, ни Гагарина.

То ли память у нас короткая,
То ль удобнее жить покорным
Со своими шестью сотками,
Сериалами, да попкорном.

Всё решают за нас великие.
Солнцеликие и бессрочные.
Мы ж не буйные, в меру тихие –
В лес за платными ходим грибочками.

А с кредитами-ипотеками
И соскучиться будет некогда.
Привыкаем мы быть холопами –
И всё кланяемся и хлопаем.
А рабам многого и не надобно.
Лишь гордится своим императором.

Начинаю жить

Мама откроет ставни,
Солнце впуская в дом.
Так мне уютно станет
В солнечном доме том.

В это воскресное утро
В школу чуть свет не идти.
Мне в это утро как-будто
В чем-то должно повезти.

Только о чем я мечтаю?
Если и так хорошо.
Мама открыла ставни.
Папа с работы пришел.

Будет всегда так – знаю.
А по другому – нельзя.
Я ещё не понимаю,
Что же такое стезя?

Что за судьба такая?
Что у ней за виражи?
Многого я не знаю.
Я – начинаю жить.

Может...

Может, не пишется от того, что боль?
Или боль от того, что не пишется
О том, что потерянная любовь
Уже никогда не отыщется.

Может, не верится от того, что тьма?
Или тьма от того, что не верится
В то, что уже наступила зима
И нам никогда не встретится.

Может, не сбудется от того, что сон?
Или снится все то, что не сбудется.
Где-то звучит колокольный звон.
Или это мне только чудится.

Позабыть про счастье

Мне было многое дано.
И думал я, что все успею,
Но суеты веретено
Закручивалось все быстрее.

Порастерял, поразменял,
Что было мне дано судьбою.
И неустанный, вдруг устал
Мой самый скорый в мире поезд.

Я думал, мой известен путь.
И бесконечен, как прямая,
Когда моя вздымалась грудь,
Хмельного воздуха вдыхая.

Перечислять, что не успел –
Неблагодарное занятие.
Я в жизни многое хотел,
Но только позабыл про счастье.

Сибирская зима

И не было ни лета, ни весны,
Ни осени. А вечная зима
Со множеством оттенков белизны,
Способная свести тебя с ума.

Клубами пара выдохнешь: Сибирь...
И ничего не надо объяснять.
И рифма красногрудая: снегирь,
Во всех стихах появится опять.

Как нежеланна быстротечность дня.
А солнца не заменят фонари,
Которые без устали горят
От сумерек до поздней, до зари.

Зима в Сибири – это навсегда.
А если быть точнее, то почти.
В морозы разгорается звезда,
Ну а в метели не видать не зги.

Но будет все: и осень и весна
И лето разноцветием гореть.
И солнце долгожданное сполна
Успеет всех сибиряков согреть.

Мы не товарищи

Мы теперь друг другу не товарищи.
Говорим с усмешкой: господа.
Смотрим мы на всё непонимающе –
Как нас обманули и когда?

За какой такой вонючий ваучер
Мы продали гордую страну.
Лишь один теперь товарищ – маузер,
Чтоб изгнать чертей и сатану?

Сатана на троне. Бесы – около.
Да и в храмах нет уже Христа.
Жалкая, чужая и убогая
Нации идея и мечта:

Хоть какой ценой – обогащение.
Деньги, деньги, деньги господа.
Смысл жизни и предназначение
На сегодня, на год, навсегда?

Разве мы с тобой хотели этого?
Промолчали. Терпим до поры.
А дождемся ль времени рассветного,
Кумачом сияющей зари?

Смерть Пушкина

Пушкин перед смертью попросил морошки.
В чем душа держалась в теле у поэта
Перед предстоящей к господу дорожкой,
По ведущей в небо, лестнице из света.

Ложечку морошки – ягоды моченой,
Трапезы последней, сколько было силы.
От земных страданий – тихий,
просветленный,
Всех простил и верил: и его простили.

Все, что происходит, принимал как должное.
Стал христианином – исповедь, причастие.
Все, что было в жизни, это уже прошлое.
Только вкус морошки, как мгновенье
счастья.

Прошептал: « Жизнь кончена». Что ж, пора
в дорогу.

И жена любимая, и друзья, и дети,
Провожайте душу, дорогую, к Богу.
Бог, и сам нуждается на небе в Поэте.

Не верь

Это абсурд, враньё:
череп, скелет, коса.
«Смерть придёт, у неё
будут твои глаза».

И. Бродский

Реальность – враньё, абсурд.
Более правдивы сны,
Свободные от цензур –
Искренни и честны.

Есть толкователи снов.
Кто растолкует жизнь?
Ты попытайся, но...
Только не ошибись.

Расставь по своим местам
Истину и враньё.
Не верь никаким глазам,
Таким же, как у неё.

Никто

Никто за меня не напишет мои стихи,
В которых пытаюсь найти самого себя.
И не хватает всегда лишь какой-то строки,
Чтобы сказать: да, действительно, это я.

Никто на себя не возьмёт мою давнюю боль.
Никто не узнает моей сокровенной мечты.
Никто не расскажет про то, что такое любовь.
И если кто знает об этом, так это – ты.

Никто не поможет, хоть сотня святых отцов,
Когда окажусь я на смертном своем одре.
Лишь только рука твоя, только твоя любовь.
И что ещё надо, горящему на костре?

Пусть

Все больше список, чего нельзя.
Что под запретом.
Но, к счастью, песенка не вся
Ещё пропета.

Осталось что-то для меня
Помимо списка.
Пусть нет уже того огня –
Мне хватит искры.

Предаю

Слышу проповеди истошные.
Вижу лживые лики святых.
И все чаще смотрю в прошлое,
Отвращаясь от ангелов злых.

Двадцать первый – без чести, без совести.
Ржавый век золотого тельца.
Для кого ежедневные новости,
Где одна только морда лица?

Мы – рабы, мы – холопы безгласные.
Так теперь нас с тобой величать?
Мы на все в этой жизни согласные,
Лишь бы было кому приказать?

Что за будущее уготовано
Нашим детям и внукам родным?
Все растащено, разворовано.
Смрад наживы – отечества дым.

Кто нам вдалбливает терпение –
Жить в покорности и нищете?
Бурлаков стародавних смирение,
Тех, кто тянет беду по реке.

Что случится должно в Отечестве,
Чтобы слились в одно голоса?
Неужели, чтоб ливни картечные
Принесла нам чужая гроза?

Пусть звучит каждый день заклинанием:
Родину

 предаю

 свою.

Предаю я своим молчанием.
И бездействием – предаю.

Крым - наш

Все ли дороги ведут в Рим?
Русскому, Рим – блажь?
Если уж ехать, езжай в Крым.
Крым, говорят – наш.

Лондон не наш. Не наш Мадрид.
Да и Москва – нет.
Выплатишь свой рабский кредит –
Встретишь в Крыму рассвет.

Нет, так живи на Колыме.
Русскому, Крым – блажь.
На Колыме, в вечной зиме –
Наш Магадан, наш.

Ангелу-хранителю

Ты со мной от звонка до звонка
Добросовестно срок свой отбудешь.
И прошепчешь: ну, что же – пока.
И меня, чудака, позабудешь.

А тебя ожидает другой.
Ведь у ангелов отпуска нету.
Будешь с новою рядом судьбой,
Может даже с каким-то поэтом.

Сам находишь себе протезе?
Или по разрядке небесной,
Будешь к чьей-то приставлен душе,
Чтоб хранителем быть бестелесным.

Вот такая вот служба твоя.
Я не первый, да и не последний.
Кем я был, ангел мой, для тебя?
Жаль, не знать мне твоих откровений.

Может ты облегченно вздохнешь
И крылами взмахнешь, улетая.
Не покажешь и не намекнешь,
Где дорожка-дорога до рая.

Память

Я могу не вспомнить то, что было
Два часа каких-нибудь назад,
Что с телеэкрана говорила
Диктор, улыбаясь мне в глаза.

Что прочёл рассеянно в газете,
Где она сейчас в конце концов.
Может быть и нет газет на свете,
Как в них нет давно правдивых слов.

Разговор забуду телефонный
И того, с кем вел беседу я,
В душу кто, мою, бесцеремонно
Залезал, мембраною звеня.

Забываю многое сегодня.
Только помню, даже в мелочах,
Как с любимой в ночьку новогоднюю,
Целовались нежно при свечах.

Я могу не выпить те таблетки,
Без которых мне сейчас никак.
Только как забыть тот час рассветный –
Руки девочки моей в моих руках.

Все, что через сердце проходило,
В нем и оставалось навсегда.
Разве нам с тобою не светила,
Наша путеводная звезда?

Пусть же память ближняя подводит,
Если память давняя со мной.
И опять звезда в ночи восходит
Над моею и твоей судьбой.

Сколько страданий и боли,
Сколько на свете зла.
Дьявол куражится что ли,
Черные, вскинув крыла?

Нету конца и края
Непониманью и лжи.
Демонов, может, стая
Делает виражи?

Не прилагая усилий,
Чтоб изменить себя,
Может быть, ждать мессию,
Ладаном сладким дымя?

Если не сможем сами –
Грош нам тогда цена.
Будет всегда меж нами
Злобы и лжи стена.

Время

Нет безжалостнее зверя,
Пожирающего вся.
Время, время, время, время –
Вечный молох бытия.

И снова о детстве

Запах листьев тополиных
После теплого дождя.
В детстве день безумно длинный
Для счастливого меня.

Мне пока не на работу.
И не надо на урок.
Я свободно-беззаботный,
Всемогущий, словно бог.

Все в природе мне подвластно,
Хоть еще мне мало лет.
И, конечно, не напрасно
Появился я на свет:

Я так много должен сделать
В этот долгий летний день.
Мне любое дело смело
Выполнить совсем не лень.

И на дерево забраться,
Чтобы плюнуть с высоты.
Накупаться, накричаться
На реке до хрипоты.

Смастерить рогатку надо –
Без оружия никак.
Мама будет очень рада –
Сын у ней растет мастак.

Вот сосед выносит мячик.
Мальчик этим очень горд.
Будет битва, не иначе,
Ведь футбол – суровый спорт.

После матча снова речка.
И с обрыва в глубину.
Отчего стучит сердечко,
Я, конечно, не пойму.

За весь день краюха хлеба.
И откуда столько сил?
Я под этим синим небом
Все на свете позабыл:

И таблицу умноженья.
Алфавит и падежи.
Никакого нет значенья –
Сколько мне на свете жить.

Москва

Живу в Сибири, с видом на Москву.
Ее в избытке на телеэкране.
Не плачу, не жалею, не зову –
Она сама приходит вечерами.

Что Греция? Есть все в моей Москве.
Она ж моя? Ведь как-никак столица.
Там все бабло России, все лаве.
Там светские пасутся сучки-львицы.

У них накачанные губы и хвосты.
И даже силикованные вымя.
Ворованные деньги и понты
На телешоу делают им имя.

Москва, Москва, кого там только нет.
И говорят, что даже есть евреи.
Что там новейший пишется Завет.
И хорошо б апостолы не геи.

Там царь, царевич, там сапожник, там портной.
И дворник, словно в нимбе, в перегаре.
Там Арарат, ковчег и даже Ной.
И каждой твари, минимум по паре.

Москвы так много нынче для меня.
Но истины не отличить от пены.
Москва, Москва. Колокола звонят
И сотни лет стоят все те же стены.

Во свет

Семь бед – один ответ. А если сорок бед
И времени немного до ответа?
И вовсе не во тьму – уйду во свет
Туда, где бесконечно много света.

Братья наши меньшие

Не говорите опрометчиво
Про них, мол братья наши меньшие.
У них звериное, да птичье –
Побольше нашего, величие.
Не предадут и не обманут
И ни за что губить не станут.
Они как совесть наша вечная,
Но человека человечнее.

Не смотришь в зеркало

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.

И. Бродский

Ты не смотришь в зеркало, не совершай ошибку.
Выглядишь, надо признаться, совсем не шибко.
А если сказать честно – вообще отвратно.
Радует только одно – что жив. Вот и ладно.

Когда кончается любовь,
То мир привычный изменяется.
И звук прерывистых шагов
В ночи тревожно удаляется.

Когда кончается любовь
Туманной осенью дождливой,
Кого назвать ты сможешь вновь
Своею самою любимой?

Когда кончается любовь –
Потянет сразу сквозняками,
Дыханьем зимних холодов,
И бесконечными снегами.

И душу чтоб не остудить,
И далее не жить с ознобом,
Ведь если повезло любить,
Не позабыть об этом, чтобы.

Мелочи

Мне не грозит Новодевичье,
Да и не светит Ваганьково.
Это казалось бы мелочи,
Но на душе поганенько.

.....
.....

В мозговых извилинах заплутали мысли.
А о чем те мысли – разберись поди.
Может быть о Будде, может быть о Кришне,
Может быть о смерти, а может о любви.

.....
.....

Кто дожидался ветра перемен –
Вам вентилятор выдадут взамен.

Вина

Кто сказал, что завидовать плохо?

Я – завидую молодым.

Это их, молодых, эпоха.

Но, и я в ней необходим.

Как двадцатого века осколок,

Отраженье далеких лет.

Я ведь тоже был раньше молод.

И в прошедшем оставил след.

Пионерский и комсомольский

Тот задор до сих пор храню.

Жаль, что не был мой путь геройским.

И за это себя виню,

Что не ранен в Афганистане.

И в Чернобыле не был я.

Вот и совесть не перестанет

За бездействие мучить меня.

И сегодня мне нет покоя

От того, что в стране разлад.

Что другие сейчас герои –

В этом также и я виноват.

Виноват, что страна исчезла
Та, в которой родился и жил.
Но слова: благородство и честность
Я по-прежнему не позабыл.

Виноват, что опять бояре –
Новоявленные князьки,
Совесьть на пятаки разменяли.
На иудины пятаки.

Для богатых – любовь к отчизне
Просто выдуманная чушь.
Этим новым хозяевам жизни
Дым отечества горек и чужд.

Может голос мой был не громок
За истерзанную страну.
Ты прости меня, мой потомок.
Признаю и свою вину.

Откровение от Владимира

(К 80-летию Владимира Высоцкого)

Не могу в эти цифры поверить.
Говорю сам себе – не верь.
Сколько было уже юбилеев...
И сегодня опять юбилей.

Ты всегда – сорокадвухлетний.
Самый верный мой друг. Мой брат.
И твои откровенные песни
Много лет уж во мне горят.

Все бы было со мной по-другому –
По чужой колее до тех пор,
Как твое прозвучало Слово
Под гитарный простой аккорд.

Откровение от Владимира
Разлетелось с магнитных лент.
Я твоим растревожен именем.
Друг мой. Брат мой. И мой Поэт.

Моя Россия

Мне не надо кричать о России
И стучать кулаком в грудь,
Что люблю ее очень сильно,
Оттого и тоска и грусть.

Мне не надо растить ностальгию,
Как красивый цветок в горшке,
Потому, что живу в России,
А не где-нибудь вдалеке.

И в баварскую кружку пива
Слезы горькие я не лью.
Вам без Родины там не мило,
Я ж в России Россию люблю.

Снег – российский, на землю ложится.
Дым – российский, клубит над избой.
Довелось мне в России родиться.
И Россия всегда со мной.

Перестану

Я отменю на завтра завтрак.
Обед и ужин отменю.
И на потом внесу поправки
В мое нехитрое меню.

Я стал богат холестерином,
А вот деньгами – не богат.
Такую я беру свинину,
Что даже кот и тот не рад.

А, что уж говорить про рыбу –
В каком пруду она росла?
Как из дерьма вдруг сделать прибыль –
Не надо долгого ума.

Была бы яркая обертка
И свет рекламных заманух.
И вот уже от хватки мертвой
Ты еле переводишь дух.

Пусть в колбасе не будет мяса –
Бумага, соя и крахмал,
Но покупать сию заразу
Еще никто не перестал.

А я возьму и перестану.
Балкон пожертвую свинье.
На кухню – кур, налима – в ванну.
А спальню выделю жене.

Как может обойтись душа без тела,
Когда его покинет не спеша,
Отправившись в небесные пределы
Такая одинокая душа?

А тело, бывшее желанным и послушным,
Теперь заброшено, как опустевший дом,
В котором мрачно, холодно, бездушно
И никого за кухонным столом.

С часами там остановилось время,
А без часов такая тишина,
Что даже стены выглядят растерянно.
И ничего не видно из окна.

Когда-то в доме музыка звучала.
И раздавались чьи-то голоса.
И начинался каждый день сначала
И не было которому конца.

Дом опустел. Души лишилось тело.
А, что с душой, кто даст на то ответ
В какие же небесные пределы
Она несет неугасимый свет?

Лето на исходе

Ягоды рябины – индикатор лета.
С каждым днём всё ярче и красней они.
Всё ясней и ближе осени приметы.
И длиннее ночи и короче дни.

Лето на исходе. Сколько их исходов
Лет и зим и вёсен было на веку.
Неостановимо промелькнули годы,
Прóжитые мною, словно на бегу.

Шахта

Не говорят о доблести и славе
Во глубине сибирских черных шахт,
Где добывают уголь в черной лаве,
Забывши про усталость и про страх.

Не говорят о чести и отваге –
Работу просто делают свою.
Вперед идут в забое, как в атаке
и поражений никогда не признают.

Совсем иные в шахте горизонты.
И мир подземный здесь совсем иной.
Там наверху и трели птичек звонких
И солнце светит, прям над головой.

А в шахте мрак и сверху в сотни метров
Земная твердь дамокловым мечом...
По выработкам дуют злые ветры,
Но в этом непогода не причем.

И если в лаве пласт угля обрушен,
Богов подземных потревожен сон.
Порядок их незыблемый нарушен
И грохот взрыва, словно крик и стон.

И боги мстят дыханием метана.
И горными ударами трясут
Так, что не выдержать и прочному металлу.
Жаль, не всегда такого мщенья ждут...

Не все, бывает, выйдут на поверхность.
Приносит шахта жертву тем богам.
Кому шахтеры соблюдают верность
Идя опять в забой? Стране, деньгам?

И тяжело сейчас на то ответить.
Без денег не прожить. Но и страна
Нуждается всегда в тепле и в свете,
А родина, она у нас одна.

Во благо родины и жизни всей во благо.
И пусть шахтеры вслух не говорят:
И честь и доблесть, слава и отвага
В груди, как лампочки шахтовые горят.

Русский язык

Так повелось: то ложим, то кладём.
То звóним, то звонím попеременно.
Когда-нибудь и Пушкина прочтём.
И русский выучим когда-то непременно.

Ну, а пока консенсус с языком.
И толерантность без конца и края.
И вроде бы терпимость не причём.
Да и согласия как будто бы не знаем.

Лишь мат родной пока ещё силён.
Куда тягаться с ним каким-то факам.
А с матом по России смех и стон
Всегда и всюду в жизни были рядом.

Как острая приправа в языке.
Но не для всех. И не всегда. И в нужном месте.
А русский должен быть на высоте —
Великим языком великой чести.

Без примеси чужих, ненужных слов.
И без коверканья своих многострадальных.
Слова – Надежда, Вера и Любовь...
Что свет заменит их исповедальный?

Какое слово зазвонит в груди?
Какой язык потомкам мы оставим?
И что с Россией будет впереди?...
От нас зависит то, что будет с нами.

Исчезает

Я тебя провожу до вокзала.
И в зеленый вагон посажу.
Ничего я тебе не сказала
И уже ничего не скажу.

Помашу на прощанье рукою,
Той, которую ты целовал.
Целый век я была с тобою –
Разве этого ты не знал?

И того, разве, ты не ведал –
Без тебя мне и жизни нет.
Только я за тобою следом
Не уйду. Что мне этот след?

Исчезает. Как дымка тает
В непроглядной ночной дали.
Так вот осенью улетают
От любимой земли журавли.

Ясень

Время гласности – для согласных.
Несогласные могут заткнуться.
Против ветра плевать опасно,
Так ещё говорил Заратустра.

Против ветра вообще не стоит
Делать мокрое гиблое дело.
Не оставят тогда в покое
И ни душу твою, ни тело.

С телом справиться как-то проще,
Чтобы был ты на всё согласен.
Говорят же – дубовая роща,
Ты заладил же – ясень, да ясень.

Украина

Кривое зеркало России.
Но, что ж на зеркало пенять,
Когда своих воров взрастили
Таких, что прыть их не унять.

И в столь высоких кабинетах,
Что выше и не может быть...
Их поколениям безбедно
Лет сто спокойно можно жить.

А что же, только в незалежной
Такой неистовый бардак?
Хохлы живут во тьме кромешной,
А вот в России всё ништяк?

В сортирах никого не мочат?
И вор всегда сидит в тюрьме?
Все, зная прикуп, едут в Сочи?
Никто не хочет перемен?

В России олигархи жиже?
Им нету места в списках Форбс?
Они в трудах растили грыжу
И зарабатывали горб?

В себе самим бы разобраться.
А Украина хай живе.
Давай задумаемся братцы.
И в Киеве, да и в Москве.

Кто наш Бог?

Что, если бог всего лишь ученик
Других творцов, создателей, всевышних?
И если он не все еще постиг –
Вселенная несовершенно вышла.

Быть может, не хватило черных дыр.
Погуще надо б сотворить галактик.
Суров и неприветлив этот мир...
Был теоретик бог наш, а не практик?

Ну и конечно, мастер маху дал
При сотворении им человека.
Венец всего, магический кристалл –
Он стал тускнеть от века и до века.

И если в заповеди было: не убий –
Он убивал налево и направо.
Не укради, чужих не возлюби:
Все можно – искушает дьявол.

Вопрос резонный: это кто таков?
И здесь создатель что-то напортачил.
Хотел как лучше – счастье, да любовь,
А получилось как всегда. Иначе.

Но нечего на зеркало пенять:
Какой ни есть, но это Наш Создатель.
Нам мир, какой ни есть – не потерять.
И человеческое нам бы не истратить.

Нам лгут, мы притворяемся, что верим.
Безбожные дела в святых местах.
Нам от лукавого досталось время,
Когда мы не за совесть, а за страх

Живем в стране, которую мы любим.
И зная точно, что рабы не мы.
Мы – не рабы. Но в то же время будем
Батрачить на хозяина, увы.

Такое вот бессовестное время.
И церковь есть, но в храмах нет Христа.
Уже восходит дьявольское семя.
И гаснет Вифлеемская звезда.

Карма ли была или судьба
То, что жизнь прожил я без тебя?
Целовал я губы не твои.
Много губ и только по любви.
Без любви не мог я целовать –
И тебе ли этого не знать?
Много лет прошло и много бед.
За закатом вновь пылал рассвет.
Называй хоть кармой, хоть судьбой
То, что я опять сейчас с тобой.

Если нервы не обнажены
И душа твоя не растревожена,
То стихи твои обречены,
Хоть и складно строчки эти сложены.

Гороскоп

Я сам себе составлю гороскоп
На месяц, на год, на десятилетье,
Не слушать чтоб, мне всяких разных глоб –
Как буду жить на этом белом свете.

Я пережил когда-то сопромат,
Чего бояться странных астрологий?
От начерталки не сошёл с ума,
А эту хитрость, уж тем паче сможем.

Я вычерчу квадраты и круги.
Венеру с Марсом привлеку на помощь.
А звёзд вообще на небе пруд пруди,
Особенно в таинственную полночь.

Мне выпадет удача и успех,
Любовь, богатство, счастье и здоровье.
Своя рука – владыка, так, что грех
Не напороchestвовать денег и любви.

И будет всё о'кей и всё ништяк
Как где-то там, в какой-то там европе.
Теперь за малым дело. Лишь пустяк –
Всё сделать так, как в этом гороскопе.

Подлецы

Я заплывал, бывало за буйки.
Нельзя, кричали мне и возвращали.
Я подлецам не подавал руки,
Хотя совали.

Я говорил в глаза, что он подлец.
И он, конечно же, не соглашался.
Мол, то, что сделал – это наконец
Простая шалость.

Есть много этих самых подлецов
В больших и важных, вечных кабинетах.
Руки им тоже не подать готов,
Да мочи нету.

Но, что им, подлецам, моя рука?
Да и плевать им на моё презренье.
Плыву всё дальше, дальше от буйка
Против течения.

Я беспамятством не страдаю.
Для чего-то же память дана?
Я о прошлом своём вспоминаю:
В чём моя, в том прошедшем, вина?

Что я сделал не так в том столетье?
Что в начале столетия сего?
Я достаточно прожил на свете,
Чтоб судить мне себя самого

За поступок, за фразу, за слово,
За невыстраданную любовь.
Что там память готовит мне снова?
Что ответит мне совесть вновь?

Может быть, я судья не строгий.
Потому, что прощаю себе,
Что не те выбирал дороги
Я в своей заплутавшей судьбе.

Поэты в деревне

Кочановой Ольге Марьяновне

Деревни остались всему вопреки.
Жива ещё наша деревня.
У леса, у пруда, у речки-реки,
Как жили деревни издревле.

При рыбе, при мясе, при разных грибах.
Зимой довольны и летом.
Здесь свиньи и гуси на вольных хлебах
И при медовухе – поэты,

Которых в деревню зовут от души
И от хлебосольного дома.
Как грузди на вилке стихи хороши
И слово звучит по-другому.

Накрыты столы – удивляйся, поэт
Тому, чего нет в ресторанах.
И песня потом за куплетом куплет
Польется, как бражка в стаканы.

И кажется нету таких голосов,
Что здесь за столом деревенским.
И песни, конечно, поют про любовь –
Куда там Любви Успенской.

Покуда и песня в деревне жива.
И люди покуда такие.
В истории будет другая глава
О новой, великой России.

Поэты поедут домой под хмельком
К себе, на этаж из природы.
Тот дом, что похож на родительский дом
Останется за поворотом.

НОВЫЙ ГОД

Новый год, словно встречный прохожий,
Не успеешь его разглядеть.
Он на многих прохожих похожий,
Но пройдёт и не встретится впредь.

Он нарядно и ярко одетый,
От шампанского навеселе.
И похож на повесу поэта,
Что читает стихи о селе,

Где внимают покорно коровы
Златокудрового гения стих.
«Умирать в этой жизни не ново...»
Вот и голос поэта затих.

А быть может, прохожий обычен,
Только он безнадежно влюблён.
Он тобой с удовольствием встречен.
Скоротечен, к несчастью и он.

Новый год, словно быстрый прохожий.
И попробуй его удержать.
На прохожих других – не похожий.
И такого же – не повстречать.

Он пройдёт, как всегда, торопливо.
А за ним суета день за днём.
Жди теперь новый год терпеливо,
Чтоб он также прошёл. Вот и ждём.

Ах, знать бы и верить, как это ни горько,
Что кроме случайно удачной строки
Всего-то и было – костёр на задворках,
В котором сгорели плохие стихи.

Александр Рубан

Плохие стихи. Но горят хорошо.
И можно согреться над пламенем этим.
И вот всё, что было плохое – прошло.
Надежда осталась, что будешь поэтом.

Ехал грека через реку

Ты ехал как по лезвиям ножей
В вагоне общем, как в консервной банке.
Толпа людей, как тысяча бомжей
Садилася на каждом полустанке.

Ты ехал через реку по мосту.
Ты ехал через лес, через полянку.
Ты за верстой наматывал версту,
Выкручивая душу наизнанку.

Ты сохранял в руке букет цветов,
Другой рукой придерживал корону.
Ты был уверен в том, что есть любовь.
И запах роз струился по вагону.

Ты знал, что ждёт. Что ждать она должна.
Хотя никто и ничего не должен.
В окно заглядывала хитрая луна
И корчила немислимые рожи.

Но поезда приходят к одному.
Ведь всё кончается когда-то и зачем-то.
Ты спрашивал: за что и почему?
Но не дождался от неё ответа.

И вот стена. Но кто там за стеной
Снимает или одевает маску?
Сомнамбула молчит. Луна – виной.
И всё, что было – было понапрасну.

Ты ехал через реку по мосту.
Ты ехал через лес, через полянку.
Ты за верстой наматывал версту,
Выкручивая душу наизнанку.

Но вдруг не отстучали поезда?
И не угомонились вокзалы?
Ты просто не расслышал, что тогда
Она тебе в тот вечер прошептала.

Закатился за плитус
Неразменный пятак.
Я чиню старый примус.
Сам отпетый чудака.

Никому не мешаю,
Ни о чём не пекусь.
Старый год провожаю.
Новый – встретить боюсь.

Вдруг да будет и лучше
И ещё веселей.
Этим счастьем измучат
Всех несчастных людей.

Вы не суйте мне ксиву.
Ну, вас, с вашим меню.
Не хочу быть счастливым –
Я свой примус чиню.

Сибирь

Какой сюрприз готовит нам погода?
Что говорить о ней, когда зима
Здесь длится бесконечные полгода
И каждый с детства, значит, экстремал.

Хоть раз, да отмораживал он уши.
В пургу так попадал, что берегись.
И впору петь: спасите наши души,
Или кричать: спасите мою жизнь.

Не зря в Сибирь сослали декабристов –
Подальше от Москвы и от царя.
И мы, в сибирские, с рожденья списки
Попали тоже, видимо, не зря.

Бунтарский дух живет с времен далеких,
А так как дальше некуда ссылать –
В Сибири нам пожизненные сроки
До самой смерти надо отбывать.

Мы разве против родины суровой.
Как не любить сибирские края?
Кто уезжал, тот возвращался снова.
Вернулся через много лет и я.

Но мне морозы не страшны за сорок.
И я не пропаду в метельной мгле.
Как не пропал и не исчез мой город.
Мой самый лучший город на Земле.

Там, где я был

О городах моих далёких
Я слышу только в новостях.
Им без меня не одиноко
Там, на амурских берегах?

Где в шубе каменной – Хабаров,
Спиною город свой прикрыл.
Он молод, да и я не старый.
Вот только, кажется, не жил.

И век двадцатый в лету канул
И я как будто вместе с ним.
Оплакивать его не стану –
Я был в том веке молодым.

Вы память обо мне храните
Мои родные города?
Там, где по-прежнему в зените
Горит полночная звезда.

Там, где Ферганская долина
Из тысячи одной ночи
Вблизи предгория Памира,
Протяжной песнею звучит.

Там, с мутной, быстрою водою
Расчерченные арыки.
Там аксакалы с бороною
Глядят на всех из-под руки.

Там, на просторах Ставрополя
Витает виноградный дух.
Там, где кавказское застолье
И где чабан, а не пастух

Пасёт овец неисчислимых
Золоторунные стада.
Где, люди жаркие, как климат.
И воды где, а не вода.

Как без меня там Томск привольный?
Пять лет студенческих моих
Достоинно-неблагопристойных
В моей остались крови.

Как часто этот город снится,
В котором лучшие друзья.
Как жаль, что с ним пришлось проститься.
Как жаль, что город без меня.

Когда б последнее желанье
Всевышний выполнил моё,
Я попросил бы на прощанье
Свиданья с каждым из краёв.

Навсегда

Мальчик мой, люби эту девочку.
Не теряй её никогда.
Ты целуй, целуй свою Евочку,
Первородный её Адам.

Только ты и твоя любимая.
Под окошком – эдемский сад.
Обожжетесь чужой крапивою –
Ничего не вернуть назад.

Друг мой, друг, храни эту женщину
После многих и многих лет.
Не женаты вы и не венчаны,
Но любви сохранился свет.

Эта женщина, эта девочка
Для тебя, мой друг, навсегда.
Ты люби, целуй свою Евочку
Постаревший и грешный Адам.

Уж лучше ненависть ко мне,
Чем безразличие глухое,
А я остануся собою,
И сам с собой наедине.

Уж лучше вовсе без друзей,
Чем навсегда остаться с теми,
Кто без отдачи сунет денег,
Чтоб от него отстал скорей.

Уж лучше вовсе без любви,
Чем с безответною любовью.
Но я остануся с тобою,
Лишь только тихо позови.

Выборы

Может что-то изменится?
Может что-то случится?
Отчего же на мельницу
Ветер с вечера злится?

Жернова растирают
Зерна наших надежд.
Наш народ выбирает
Мудрецов из невежд.

Свет веры

Мне кажется, что истина вот-вот
Передо мной откроет настежь двери.
И пелена безверия спадет
И я познаю истинную веру.

А в ней все то, что мне недостает:
И всепрощенье, и покой и воля.
И если это не произойдет,
То как мне жить с такой душевной болью,

Которая бывает от того,
Что я себя ничтожным ощущаю,
О жизни и о смерти ничего,
Что мне хотелось знать бы – я не знаю.

Что вера? Это ровный белый свет,
Включающий в себя все многоцветье.
В ней безысходности и мрака нет.
И нет того, что называют смертью.

А жить без веры, словно жить впотьмах.
И преодолевать свой путь наощупь.
И смертный страх, засевший в головах
Лелеять, как цветок и днем и ночью.

А смерти нет, покуда веры свет
Незримо проникает в наши души.
Я столько прóжил зим и столько лет,
Но до конца безверье не разрушил.

Мне кажется, что истина вот-вот
Передо мной откроет настежь двери.
И пелена безверия спадет
И я познаю истинную веру.

Юбилеи

Юбилеи не ждут. Юбилеи приходят
непрошено.
Ладно, б там двадцать пять или тридцать,
куда бы ни шло.
А когда уже волосы инеем все припорошены –
Хорошо б обойтись без восторга
неискренних слов.

Ах, как бодр юбиляр. И всего-то ему
девяносто.
Жить да жить до ста лет, вечных планов
вершить громадьё.
Юбиляр будет слушать слова о себе тост за
тостом,
Принимая за правду обычное, в общем, враньё.

Юбилеи, как напоминанье о собственной
смерти.
Комбинация цифр завораживающе кругла.
А года, словно листья осенние гонит и вертит
Беспощадная и безразличная к жизни метла.

Не заглядывать в паспорт. И к чёрту послать
юбилей.
Смерти не существует. Живи, не считая года.
Если листья опали, то станет лишь только
светлее —
Сквозь прозрачные кроны деревьев виднее
звезда.

пародия на стихотворение
Виктора Коврижных
«Предзимье»

Мы не ханжи. Ханжи не мы.
Откуда мясо – каждый знает.
Бывает, что и до зимы
Свинья уже не доживает.

Предзимний выпадет снежок.
Визжи, кричи – куда деваться?
Всему свой выстраданный срок –
Пора и в мясо превращаться.

Ходила, хрюкала и вот
Настала, стало быть, кончина.
Разрежет острый нож живот –
Была свинья, теперь свинина.

Не дали, сволочи, пожить.
Нож в ход пускают поскорее.
Как хорошо собакой быть,
Когда хозяин не кореец.

Пусть в ресторане эскалоп
(не зная, что и где берётся)
Жуёт невежественный жлоб,
А хряк тут с жизнью расстается.

Свиноубийством вдохновлён,
Поэт напишет, типа оду.
Не для эстетов пишет он,
А для обычного народа.

Без мяса вдохновенья нет.
Под самогонку-свеженину
Задумается вдруг поэт,
Что как-никак: Пегас – конина!

Всё, что ни есть – хозяйства для:
Копыта с крыльями и грива.
Хорошая пришла мысль,
Хотя и несколько игрива.

Пускай живёт гнедой Пегас.
Поэту он ещё сгодится.
Первак мерцает, как алмаз
И приглашает веселиться.

Пришелся ко столу поэт.
Ему всех больше наливали.
Морали в этой басне нет.
А вы, скажите, ожидали?

Тревога

Какие просторы в России,
Какие леса и поля.
И как бы враги не грозили —
Российская это земля.

Представил себе на минуту,
Что из деревенской избы.
Китайский товарищ как-будто
Выходит обутый в пимы.

И русская баба под боком.
И китайчонков косяк.
И бабе, как будто неплохо.
И вроде мужик не дурак.

Китайские эти просторы.
Китайские эти поля.
А может китайскими скоро
Окажутся стены Кремля.

И оторопь вдруг обуяет.
Я перекрещусь: свят, свят, свят.
Видение это растает...
Тревога останется, брат.

За солнцем

Поезд движется за солнцем,
Не догнать его никак.
Словно вычищенной бронзой
Снова высветит закат.

Поутру опять с востока
Солнце набирает ход.
Видит око. Видит око.
Только, впрочем, зуб неймет.

Так и гонится за солнцем
Поезд Тында-Кисловодск.
Я смотрю себе в оконце:
Вдруг догонит поезд солнце.
И мне кажется вот-вот.

Русская рулетка

Курение, как русская рулетка.
Кури, дружок. Пока тебе везет.
Но, если выстрел – будет выстрел меткий.
И он наверняка тебя убьет.

Тебя устраивает атмосфера
Планеты под названием Земля?
Зачем ты хочешь своего расстрела,
Как будто жизнь твоя проходит зря?

Мол, дед один курил до девяноста.
И пил до девяноста девяти,
Хоть говорят, что жизнь прожить непросто.
Что жизнь прожить – не поле перейти.

Кури, дружок. Вдыхай свою заразу.
И пусть копятся легкие в дыму.
И будь спокоен – ты умрешь не сразу,
Так, что не пожелаешь никому.

Вагон жд

Вагон жд, как малая планета,
Летит по траектории пути.
Несется населенная комета,
Настукивая вечный свой мотив.

Летит вагон, не замечая станций.
В себе людей, как ценный груз несет.
С чем в прошлой жизни им пришлось
расстаться
И, что их дальше в этой жизни ждет?

Несет ли он вперед, спасенья ради
Через Вселенную на маленьком плоту
Людей, исполненных неистойвой отваги,
На счастье им, а может на беду?

А во Вселенной, за окном, начало лета,
Начало века, долгого пути.
Летит вагон, как малая планета
На запад, вслед за солнцем вдаль летит.

Средняязия

От матери с отцом я слышал с малолетства,
Что есть средняязия – далекая страна,
Такая ж, как Сибирь и как Москва – советская,
Но только очень теплая и светлая она.

Там виноград растет. В окно протянешь руку
И запросто сорвешь янтарных ягод гроздь.
С трудом мне верилось, но так хотелось к югу,
Когда по осени затянет нудный дождь.

Там родственников тьма. И как туда попали?
Да разве в этом суть? Хотелось мне туда.
А может, съездим, мам? – На этот год едва ли,
Такие дорогие нынче поезда.

Мне снился ишачок и горы снеговые.
Средняязия моя, мой светлый детский сон.
Лишь через много лет там побывал впервые,
И в этот дивный край надолго был влюблен.

Уже и мать с отцом ко мне бывали в гости.
Да и средняязия звалася – Киргизстан.
А дальше было все пронзительно непросто.
Прощай, Киргизия – одна из лучших стран.

Если жить понемногу,
Никуда не спеша.
Будет долгой дорога
И спокойной душа.

Никого в этой жизни –
Ни врагов, ни друзей.
Разве это не признак
Бесполезности дней.

Дней, прожитых напрасно.
Ну, а может быть нет?
Ведь не каждый несчастный,
Беспокойный поэт.

По судьбе одинокий,
Словно загнанный волк.
И взведённые строки,
Как заряженный ствол.

Нет покоя поэту –
Он предвестник разлук.
Век короткий поэтому.
И кончается вдруг.

Если жить понемногу,
Никуда не спеша.
Будет долгой дорога
И спокойной душа.

Потемнело

Затянуло тучами небо.
Потемнело. Стало как ночью.
Я смотрю – не видать ли гриба
Атомного, что нам пророчат?

Потемнело. Солнце исчезло.
Может это конец света?
И столкнет нас в черную бездну
Разогнавшаяся комета?

Зашумели деревьев кроны.
И дождем разродились тучи.
И опять в этот мир прощённый
Через тучи пробьется лучик.

Аннушка

Что ж ты Аннушка, растяпа,
Проливаешь масло?
Масло дорого, однако
И небезопасно.

И ходить не надо возле
Тех путей трамвайных,
Где тебя запишут после
Самой, сука, крайней.

Налетят орлы степные –
Дядьки из омона.
Скажут: ждет тебя отныне,
Аня, злая зона.

Так, что Аня понапрасну
Строишь недотрогу.
Долго будет, мол, от масла
У тебя изжога.

Застрашают, да отпустят
Анну под подписку.
Ехай Аня в захолустье.
Путь тебе неблизкий.

А назавтра в интернете,
В новостях гнусавых,
В телевизоре, в газете –
Берлиоз безглавый.

Выпал иней синий синий
На восходе солнца.
Будешь Аня героиней
Ты в романе толстом.

Пишу

Пишу стихи. Как психоаналитик
Свою врачую душу, как могу.
Я сам творец. И оппонент. И критик.
И отвечаю за свою строку.

А если неизвестный ненароком
Рифмованную исповедь прочтёт,
Я может стану чище перед Богом,
Когда наступит вечности черёд?

Часть боли, часть моих былых сомнений,
Читатель вдруг примерит на себя.
То значит, что моё стихотворенье,
На этот свет явилось не зря.

Создание

Всевышним создан мир от одиночества.
И от того, что не было любви.
Создание Вселенной – это творчество,
А Бог – поэт. Еси на небеси.

Чтоб оценили творчество поэта,
Был нужен чей-то взгляд со стороны.
Тогда Всевышний создал человека –
Вершину своей творческой весны.

Чтоб человек смог созданное видеть,
Чтоб потрясла его та красота.
Он будет жить. Любить и ненавидеть...
И долго ждать распятия Христа.

Я выдумываю жизнь себе.
Каждый день то рассказ, то повесть.
Напишу эпилог в судьбе,
Но на этом не успокоюсь.

Я придумаю смерть свою.
Лёгкую, как прикосновенье.
Я придумаю смерть в бою,
Без надежды на воскресенье.

Остальное придумал не я.
Бога, дьявола и бессмертье.
Где реальная жизнь моя?
Перепутал я всё на свете.

Кому-что

Кого-то влечёт философским течением.
Кого-то на крыльях веры несёт.
А кто-то всю жизнь подвержен сомненьям.
А кто-то, не мудрствуя, горькую пьёт.
А кто-то без веры и без философий
И если с любовью, то только к себе,
Считает, что все – недалёкие лóхи
В его исключительно яркой судьбе.

Значит, что-то во мне неладно

Мне не мать же с отцом винить
В том, что как-то не так устроен.
За клубком судьбы вьется нить –
Я, то лесом за ней, то полем.

Воля вольная, думал я –
То рекою, то вдоль оврага.
Может быть, мне сам чёрт родня –
На бессмертие дал бумагу.

Отменил в ней судьбу мою.
Мол, без бога живи, как хочешь.
Всё равно, мол, не быть в раю,
Даже если замироточишь.

Так и жил. То с богом, то без.
Беспокойно, к тому ж нескладно.
Если падают звёзды с небес,
Значит с небом что-то неладно?

Ну, а если покоя нет.
И с душою мне нету сладу,
Значит что-то неладно во мне...
Значит что-то во мне неладно.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ

Вот и сердце уже надорвано –
Трепыхается как лоскуток.
Разобрать бы себя на органы
И собрать бы ещё разок.

Сборкой новой сияет тело,
Как какой-нибудь шевроле.
Будет этому телу дело,
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.

Как положено: печень, почки.
Селезёнка и все дела.
Поджелудочная и прочее.
И какие-то два... крыла.

Не моё это. Ангелом не был.
А теперь уже и не быть.
Да и где оно, это небо,
То, которое вновь коптить?

Было сердце моё надорвано.
Трепыхалось как лоскуток.
Разобрал я себя на органы...
Как собрать – не возьму я в толк.

Пустозвоны

Многословье равно пустословью.
Не поймешь, где есть правда, где ложь.
Многословье сродни пустозвонью –
Слышен звон, но про что, не поймешь.

Много слов – и красивых и разных,
Заплетенных и эдак и так.
Только смысл доходит не сразу,
То совсем не доходит никак.

Маме

Только появляешься на свет –
Причиняешь матери страданье.
Впереди еще немало лет,
Чтоб на эту боль ответить маме

Нежностью, любовью и теплом.
Чтобы это было бескорыстно,
Чтобы это чувство не прошло
Никогда. Не ныне и не присно.

Я уже у жизни на краю.
Или только подбираюсь к краю.
Вспоминаю мамочку свою.
Все ли делал для нее? Не знаю.

Не хватало ей моей любви.
Ближних, откровенных разговоров.
Говорил ей: мама, ты живи...
Только жизнь проходит очень скоро.

С болью появляешься на свет.
Больно уходить. Пусть даже к Богу.
Важно не число прожитых лет,
А какая пройдена дорога.

Никуда не исчезает боль,
Возникающая при рождении.
Боль переплавляется в любовь
Близкого и дальних поколений.

Мама, боль твоя сейчас во мне.
Все острее это ощущаю.
Снова рассветло в моем окне.
Новый день опять с тобой встречаю.

На смерть поэта

Тело совсем чужое
После того как,
В небо душа взмлет,
Как на флагшток флаг.

Ждёт ли земля сырая
Или огонь печи –
Тело лежит, скучает
И обо всём молчит.

Тело уже не тело –
Просто обычный груз.
Нет никакого дела
Ни до каких муз.

Ни до каких поэзий.
Ни до каких стихов.
Он совершенно трезвый,
Но не совсем здоров.

Труп, одним словом – хладный.
Мало ли, что поэт?
Был поэт, ну и ладно.
Больше поэта нет.

Вот и ни с кем не спорит,
Не рубит своё с плеча.
Чао, бамбина, сори.
Ча...

Февраль

К политике природа равнодушна.
Ей все равно – кто президент, а кто премьер.
И притворяться февралю не нужно,
Что он не либеральный, например.

Он честен, словно рыцарь, перед всеми.
Не претендует на второй и третий срок.
Уступит место месяцу весеннему,
Когда тот только ступит на порог.

Ну а пока метель метет метлою
По улицам, по скверам и дворам.
Весны дожждаться б вместе со строною...
И то сказать – пора уже. Пора.

ПОЭТЫ ОТ СОХИ

Интеллигент – ругательное слово?
Презрение в мой адрес, как плевок.
Мне это слышать в общем-то не ново.
И я давно усвоил тот урок,

Что сколько не старайся быть хорошим –
Ты будешь им, но только до тех пор,
Пока ты не услышишь: звóним, ложим...
И ты внедришься в этот разговор.

Тебе напомнят про очки и шляпу
И твой многострадальный институт.
Что, мол, товарищ – на мозги не капай –
Свои познания применяй не тут.

Вас не понять, гнилых интеллигентов –
В стране все беды только из-за вас.
Узнать вас можно и без документов –
На вас с рожденья порча или сглаз.

Вы не даете нам пахать и сеять.
Писать свои народные стихи.
На нас стояла и стоит Россия,
А вы к народу слепы и глухи.

Вы ставили нам двойки еще в школе.
Что вы могли нам в этой школе дать?
И поучать нас будете доколе –
Как говорить нам и о чем писать.

Мы пишем так, как сверху нам диктуют.
Не из Москвы, конечно, а с небес.
И рифму применяем мы простую,
А то и вовсе обойдемся без.

От всей души рифмуем и от сердца,
А книжку выпустить – и пенсии не жаль.
Нам на фиг не нужна интеллигенция.
От них одни страдания и печаль.

Я ни в каких колоннах не хожу.
И не ношу знамен и транспарантов.
Ни к тем, ни к этим не принадлежу.
И не твержу прописанные мантры.

Не то, чтоб я совсем не патриот.
Пусть реет флаг наш бело-сине-красный.
Ведь я тот самый в общем-то народ
И к жизни государства сопричастный.

Но мне претит изысканная ложь,
Что льется из высоких кабинетов.
Что где-то снова возникает вождь,
А мы покорно наблюдаем это.

Не привыкать. Оно не в первый раз
Перед вождями преклонять колени.
Ничто не учит, к сожаленью, нас.
Пора пристройку делать к мавзолею?

Россия терпеливая

Молчаливая Россия. Терпеливая.
Долго терпит, долго терпит да молчит.
Лишь гармошка по деревне с переливами
Расплескает песню русскую в ночи.

А когда оно закончится – терпение,
Кровососов разной масти отряхнёт.
Зашумит Россия водами весенними
И омывшись, грудью полною вздохнёт.

Унесёт поток подальше пену сорную.
Распотешится народ своей мечтой.
И опять Россия тихая, покорная...
Но надолго ли останется такой?

Не для тебя

Не для тебя белоснежная яхта.
Дом на Рублёвке – не для тебя.
Ждёт тебя вахта, да чёрная шахта.
С шахты, да с вахты – большая семья.

Не для тебя закордонные банки.
Доллар, да евро – лишь на слуху.
Кто написал этот табель о рангах,
Что устанавливает ху из ху?

Не для тебя острова в океане.
Горных курортов не манит лыжня.
Лес да поля возле Тьмутаракани –
Это родное твоё – для тебя.

И для тебя – биржа по безработице.
Если война: место в танке – твоё.
Вот уж тогда о тебе позаботятся:
Нате бесплатно шинель и ружьё.

Будут нужны государству герои.
Вспомнят бояре тогда о тебе.
Тут уж тебя не оставят в покое –
Нужен ты будешь в господской судьбе.

Ну а пока за копеечку – в шахту.
Вот уж по жизни такая фигня.
Не для тебя белоснежная яхта.
Дом на Рублёвке – не для тебя.

Life Must Go On

Вы же будете помнить меня?
Значит, я до конца не исчезну.
Значит, был я на свете не зря.
Значит, жизнь не была бесполезной.

Если б только ошибки не в счёт,
Только, что же за жизнь – без ошибок?
Их и было то наперечёт,
Только все на разрыв: либо-либо.

А забудете, что же с того?
Я приснюсь, появляюсь ниоткуда,
Пусть на миг, на секунду всего,
Как моя небольшая причуда,
Или потусторонний каприз.
Жаль, что я в приведенья не верю.

Не годами, а памятью – жизнь
Промелькнувшую, можно измерить.

Марине Влади

Торгует памятью Марина.
Всё, что любила – с молотка.
Всё, что хранилось о любимом –
Отдать не дрогнула рука.

И таинство посмертной маски
И боль последнего стиха,
Без сожаленья, без опаски,
Как избавленье от греха.

От мук любовных, боли, нервов,
Считая, что она права.
Всего за двести тысяч евро –
Ей посвященные слова,

Продать, как вещь, с аукциона
«тобой и Господом храним...».
Она права по всем законам,
Как оправдаться перед Ним?

Будь жив, он пошутил быть может:
Высоцкий, надо же – в цене...
Как мало ты, Володя, прожил,
А то продали бы вдвойне.

Ушел ты сорокадвухлетний.
Выходит, выгодно – не жить.
При жизни можно только сплетни
Перепродать, перекупить.

Умрёшь – и вот уже в цене ты.
Идёт, идёт за лотом, лот.
Жизнь пролетела, как комета.
Здесь – окончательный расчёт?

Зачем тебе всё это нужно?
Предательство иль просто блажь?
Где ж, твой, Марина Влади,
суженый?
Здесь. На продажной из продаж.

Торгует памятью Марина.
Следами прожитой любви.
Ну, что ж, Марина – ты невинна.
И, если сможешь, то живи.

Все повторяется

Уже на всё ответили философы.
Поэты написали обо всём.
Все чудеса свершились. Яко посуху
Уже ходили. Мы-то здесь причем?

Но и сейчас опять всё повторяется –
Стихи про ту же самую любовь,
И чудеса, конечно же, случаются,
И смысл жизни каждый ищет вновь.

И вновь грешат и просят вновь прощение.
И тянется ошибок череда.
Земного бытия коловращение
Не кончится, наверно, никогда.

Воруют

Я словно в долгой эмиграции,
Лишенный собственной страны,
С которой мне пришлось расстаться
Навек виновным без вины.

В моей стране, в родной отчизне,
Бесчестный вор опять в чести.
В какой последующей жизни
Должно нам с властью повезти?

Свобода, равенство и братство –
Уже прочитанный плакат.
А с чем сегодня оставаться?
А в чем сегодня сила, брат?

Растут безмерно аппетиты.
И миллион уже ничто.
Про честь и совесть позабыто
Давным давно, давным давно.

Народ безмолвствует. Покуда
Недоумение растит.
Но роль двугорбого верблюда
Ему давно уже претит.

В такой стране быть нищим – стыдно.
И подло сверх-богатым быть.
Но воровству конца не видно –
Непрекращающийся стыд.

Мы кулаком грозим европам.
На все америки кладем.
И вдаль сусанинскими тропами
С поводырем своим бредем.

Судьба

«Судьба, может, и от бога,
только черт ею крутит».
(П. Проскурин, «Судьба»)

Судьба от бога, крутит ею черт.
Такие вычертит зигзаги,
Такой задаст запутанный кроссворд,
В такие кинет передряги,

Что где-то там, в конце всего пути
Оглянешься на прожитое –
Как смог ты это поле перейти,
Все перерытое судьбою?

Да, ладно уж, не черта же винить
В том, что запутана дорога...
Когда пытался что-то изменить,
Ты разве обращался к богу?

Все делал сам, рассудку вопреки.
Как будто во хмелю танцуя –
Вычерчивал восьмерки, да круги,
Не поминая черта всеу.

В моей судьбе никто здесь не причем.
Иду своею выбранной дорогой.
Уже опять пахнуло октябрем
И месяц светит в небе одиноко.

Немного о Кондрате

Недели летят одна за другой.
Сменяется дней череда.
Я понимаю своей головой,
Что жизнь моя не навсегда.

Чтобы понять – образован вполне.
И, в общем-то я не дурак.
Только поверить не хочется мне
В холод могильный и мрак.

Только не хочется верить в смерть.
И в вечное небытие.
Делай, что хочешь. И верь-не верь –
Кондратий придет и ко мне.

Обнимет, прижмет к холодной груди.
Спросишь: ты кто? – Кондрат.
Этому гостю не скажешь: уйди,
Я, мол, тебе не рад.

Рядом, мол, есть алкоголик-сосед.
Можешь его обнять.
Я безобидный, непьющий поэт.
Нечего даже взять.

А не Кондрат, так дама с косой –
Заглянет словно на чай.
Недели летят одна за другой...
В двери звонят – встречай.

Осеннее

Всё погружается в дрему
В царстве безудержных грёз.
Красные листья черёмух.
Жёлтые пряди берёз.

Алые гроздья рябины.
Хладная просинь небес.
Чьей это кисти картины?
Где этот сказочный лес?

Где эти парки, аллеи?
Осень в конце сентября.
В дальней сибирской России
Гроздья рябины горят.

Так ли?

Дар прекрасный! Дар случайный!
Жизнь, зачем ты мне дана?

А.С. Пушкин

Так ли жизнь моя случайна?
Костью, выпавшей игральной
Мне судьба моя дана?
Неужели паче чаянья
Я возник на свет нечаянно?
В этом ли моя вина?

Так ли смерть, как избавленье
От страданий и мучений?
Что там будет за чертой?
Может, будет всепрощение
И в конце пути – свечение?
И какой он, мир иной?

Как-то так

Молодым я уже не умру.
И уже не умру за идею.
И со знаменем на ветру
Не умру за свою Рассею.
Упаду по пути в туалет
На паркет или коврик собачий.
За окном безразличный рассвет
Никогда обо мне не заплачет.

По ком они звонят?

Война и смерть – два самых страшных слова.
От смерти не уйти, но для чего война
Едва прервавшись, вспыхивает снова?
А вдруг и над твоей страной пелена

И запах дыма? Звуки канонады
Слышны. Их можно спутать с дальней грозой.
С улыбкой говорят тебе: так надо.
Все будет хорошо. С тобой и со страной.

Но отчего становится тревожно,
Когда ты слышишь каждый день: все хорошо...
При этом как-то крестятся безбожно
И так и кажется, что мир с ума сошёл.

А если мы обманываем Бога,
Кто нам поможет в самый трудный час?
Себе мы сами выбрали дорогу.
Куда теперь она уводит нас?

Война и смерть – два самых страшных слова.
В моей душе они огнем горят.
Звонят колокола тревожно снова...
Не спрашивай, по ком они звонят.

Не все, что

Не все, что блестит – золото.
Не все, что горчит – шоколад.
Не все безрассудное – молодо.
Отрава не каждая – яд.
Судьба не у всех горькая.
И век не у всех золотой.
А жизнь проносится тройкою
По горной дороге крутой.

Вот и начало лета

Вот и начало лета.
Словно начало жизни.
Словно рождение света
На лепестках вишни.
Словно рождение звука
В горлышке у пернатых.
Кто там поет подруге
Нежные серенады?

Ночь коротка как песня.
День непривычно долог.
Жизнь твоя бесконечна,
Ты откровенно молод,
Так как начало лета –
Это начало жизни.

Это Начало Света,
А не Конец.
Ты слышишь?

Одиночество любви

Если одиночества печать
На твоей запутанной судьбе,
Что же ты растишь свою печаль?
Изгони, распни ее, убей.
Только как? Печаль-тоска – твоя.
Без нее, уже и жизни нет.
Что таят далекие края,
Где сошелся клином белый свет?

Где курлычат в небе журавли,
Протыкая клином облака.
Разве одиночество в любви
Может быть? Не утверждай пока
Одиночества твоя печать
Сургучом застыла на судьбе.
Отчего молчит твоя печаль,
Так необходимая тебе?

Перекасти-поле

От душевной боли нет анестезии.
Если резать, значит, резать по живому.
А меня носило ветром по России.
Не хотел, не мог ли жить я по-другому?

Резал по живому, вырывал с корнями.
Перекасти-поле, перекасти-жизнь.
Да, еще как корью, заболел стихами,
Что бывает хуже? Вот и разберись.

И пока ты ищешь – жизнь пройдет как дождик.
Кто тогда опишет житие твое?
То, что будет – будет. Раньше или позже...
Может даже после дождичка в четверг.

Нет анестезии от душевной боли.
Резать по живому надо ли, скажи?
Жизнь прожить – не поле перекасти-полю
Перейти. Такая выпала мне жизнь.

Не знаю

вдохновенная мысль, преломляясь сквозь
призму моей головы,
на бумагу ложится не теми, какими
хотелось, стихами.
разноцветие строк придает им красоту,
но только, увы
вместо неба по-прежнему будет земля под
моими ногами.
первороден, как грех, на страницах души
белый цвет, белый свет.
изреченная мысль, может быть и не ложь,
просто мысль другая.
если ты не сказал, что хотел, то тогда ты
поэт или нет?
вот и я на вопрос этот так и ответа покуда
не знаю.

Не верь, не бойся, не проси...
А я боюсь, прошу и верю.
Боюсь запачкаться в грязи,
И не терплю мужских истерик.

Боюсь. Я многого боюсь.
И высоты боюсь и боли.
Но с этой болью остаюсь,
Как без свободы и без воли.

И я не волен выбирать.
И не свободен сделать выбор,
Когда и как мне умирать.
Как появился, так и выбыл.

СНЫ

Сны даются, как бонусы к жизни.
Только надо запомнить их.
Эфемерны они и капризны,
Как ещё ненаписанный стих.

Не удержишь своё сновиденье –
Ускользнет, и забудешь его.
Может, в нём ты получишь прощенье,
Что избавило бы от тревог.

Повстречаешься снова с друзьями.
И пускай это будет во сне.
Столько лет у тебя за плечами,
Тех, которых у них уже нет.

Может быть, отчий дом приснится –
На высоком крыльце мать с отцом.
Их родные, до боли, лица.
Мама в ситцевом платье простом.

И, конечно же, будет лето.
Мне уже надоела зима.
Я скажу им, что стал поэтом
Или просто сошел с ума.

После долгих скитаний вернулся
В город посередине тайги.
Я уснул или может, проснулся –
Не видать мне сегодня ни зги.

Скелеты в шкафу

В моем шкафу полно скелетов.
Устроить перепись пора.
Не то, чтобы среди них поэты,
Но точно были у пера.

Я их не помню поименно,
Да и откуда столько их?
Как славный хор краснознаменный
Закончил песню и притих.

Что натворил я в жизни этой?
Кому дорогу перешел?
Но то, что есть в шкафу скелеты –
Само собой нехорошо.

И ладно знал бы, ладно б ведал –
Скелет под номером таким
Мне говорит: ты помнишь, предал
Или был преданным другим?

Об этом ты не хочешь помнить,
Но мне напомнит тот скелет
О том, что как-то в этой комнате
Сидел известный всем поэт.

Ты обвинил его в растрате,
Утрате чести, клевете.
А заодно и в плагиате
И прочей, прочей ерунде.

А он пошел и застрелился.
А он поплыл и утонул.
Он на подтяжках удавился.
Он с крыши дома сиганул.

Он может быть живым остался.
А все равно скелет в шкафу
Еще один нарисовался.
Потом гадайте: who is who?

Март

Вот и весна. Всего лишь минус двадцать.
А за окном цветочных павильонов
Эдем, пусть не вселенский, лишь голландский
К восьмому марта ждет своих влюбленных.

Весна идет, сказал поэт, весне дорогу.
Ну, а дорóги дóроги весною.
Мы говорим себе: осталось немного,
Хотя терпение кончается порою.

А по прогнозу минус, минус, минус.
Три дня мороз и десять дней – метели.
Кот Бегемот усердно чинит примус.
Ждет повышенья пенсии в апреле.

Нельзя

Нельзя быть для всех хорошим,
Как модный всегда горошек,
Как сладкий медовый пряник
И как инопланетянин.

Нельзя быть всегда здоровым –
Руками сминать подковы.
Они лошадям сгодятся,
Чего же их гнуть стараться?

Нельзя быть все время первым.
Какие нужны здесь нервы,
Когда наступают вторые
На пятки, на горло, на крылья.

Нельзя быть всегда счастливым.
Счастье – оно строптиво.
Не терпит ни лжи, ни фальши.
Вспугнешь, улетит дальше.

Нельзя быть большим поэтом
И суетиться при этом.
Не будешь для всех хорошим.
И что же? И что же? И что же?

Но

Я успокоился бы, но
Вдруг возникает раздражитель.
И я застёгиваю китель
И портупею заодно.

Когда б ни выглядел смешно,
Мне б удалась моя затея.
Скрепит нелепо портупея,
Скрипит нелепое седло.

Мне успокоиться бы, но...

Необитаемый остров

На необитаемый остров
Какие три вещи возьмешь?
Ответить достаточно просто –
Огниво, лекарство и нож.

А может быть что-то съестное?
Бочонок большой коньяку,
Чтоб долгой порою ночью
Тебе заглушать бы тоску.

Но там есть бананы, кокосы.
Не впроголодь жил Робинзон.
Опять возникают вопросы,
Раз пищу везти не резон.

Коль женщины это не вещи,
И значит, и брать их нельзя,
Придется подумать о вечном.
А, что ж не подумать, друзья?

Возьму я на остров, пожалуй,
Бумагу, бутылку, перо.
А это, поверьте, не мало.
И стоит, конечно, того.

В бутылку листки со стихами –
С размаху, с горы – в океан.
Пускай уплывают с волнами
В одну из приветливых стран.

И пусть возвращаются с книгой
Моих сокровенных стихов.
С обложкою цвета индиго,
С приветом больших городов.

Не целуй

Ты меня не целуй в мои нежные губы.
Не маши на прощанье рукою.
Помнишь, я говорил, что я больше не буду...
И я больше не буду с тобою.

Не поверишь – не буду уже никогда я.
Не целуй мои тонкие губы.
Что теперь обнимать, целовать, дорогая...
Ты не видишь – твой милый дал дуба.

Ты сам

Работы над ошибками не будет.
Жизнь – не диктант. Исправить не дадут.
Не будет ни защитников, ни судей.
Один судья и самый высший суд –

Ты сам. И пред собою ты в ответе
За всё, что в этой жизни совершил
На этом, самом лучшем в мире свете,
В котором ты так безрассудно жил.

Что в своих бедах сам тому виною.
И стал совсем не тем, кем мог бы стать.
Что неосуществленное тобою,
Покоя никогда не сможет дать.

Переписать того, что сделал, ты не сможешь.
Оценка та, какую заслужил.
Судить тебя никто не сможет строже,
Чем сам. Как жизнь свою прожил.

Черный квадрат Малевича

Стеклянный холст в подрамнике окна.
В теченьи дня меняется картина.
Лишь по ночам всегда она одна –
Таинственный шедевр Казимира.

На выход

Никто не скажет: сударь, задержитесь
На этом свете пару сотен лет.
Вы здесь ещё конечно пригодитесь,
Как мало-мальски пишуший поэт.

Никто не скажет: женщина с косою
К вам долго, ещё долго не придёт.
Так, что теперь переживать не стоит –
Пишите, может кто-нибудь прочтёт.

Да только кто тебе всё это скажет?
Будь ты хоть папой римским без грехов.
Ведь список послужной уже не важен.
На выход, сударь. И без лишних слов.

Твой день

А был ли декабрь и был ли январь,
А может быть, месяцы эти приснились?
Но кто-то ещё сохранил перегар
И где-то гирлянды ещё сохранились.

И ёлка осталась до мартовских дней,
Как доказательство Нового года.
Может Земля раскрутилась быстрее –
Меняет сезон за сезоном природа.

Как заклинание – скоро весна.
А календарь: да, ещё мол, не скоро.
Как же не скоро? Она нам нужна:
Теплое солнце, ручьи вдоль забора.

Но и весна так же быстро пройдет.
Что ж торопить. Для чего торопиться?
Зимний сегодня, ТВОЙ день, настанет.
Надо бы ЭТОМУ дню удивиться.

Ушедшему поэту

Если он не успел вам на что-то ответить,
Не кивайте тогда уходящим следам.
Если вы захотите узнать о поэте –
Обратитесь к его сокровенным стихам.

Как нигде, но в стихах оголяются души,
Ежели настоящие это стихи.
Прочитать – это сердце поэта прослушать,
Беспокойно звучащие ритмы строки.

И почувствовать боль и любовь и сомненья,
Что как отзвук остались от прожитых чувств.
Присмотревшись, увидеть остаток свеченья:
Вдохновенье поэта – ночную свечу.

Если так, значит, вы получили ответы
От того, кто в лицо вам не выскажет сам.
Если вы захотели узнать о поэте –
Обратитесь к его сокровенным стихам.

Медсестры

Со смартфонами в руках,
Челноком снуют медсестры.
На бегу сидеть в сетях,
Очень запросто непросто.

Успевают всё и вся
Белоснежные халаты.
Так и кажется, что зря
Невысокая зарплата.

Молодым у нас почет.
Старикам, увы, дорога.
Ведь открыт с рожденья счёт
В канцелярии у бога.

Медсестричка, медсестра.
Ты была необходима
И когда была война.
И когда дождались мира.
И сегодня ты нужна.
Без тебя больным непросто.

Через месяц вновь весна.
Хирургические сёстры...

Что такое хорошо?

«Хороший индеец – мертвый индеец»
генерал Шеридан

Хороший больной – это мертвый больной.
Не просит лекарств и вниманья.
А раз он больной, то врачу он на кой?
Ведь он же болеет, каналья.

Ему и уколы и клизмы – ему.
Кормить еще надо заразу.
Отправить подальше бы по одному,
А лучше всех скопом и сразу.

А в школе зачем эти ученики?
От них только мусор повсюду.
И педагогам они не с руки,
Вдруг спрашивать что-нибудь будут?

Их надо учить и вправлять им мозги,
А эти балбесы – тупые.
Совсем не нужны в школе ученики.
Ну, может быть только немые.

А государству не нужен народ.
Ему хорошо без народа.
Народ это быдло. Народ это сброд.
Короче – гнилая порода.

И тоже кормить, и также поить.
А выпить он очень гораздый.
Всех на Беломор или на Соловки.
И будет всем счастье сразу.

Точность – вежливость королей.
Опоздание – поступок плебеев.
Ну, а ежели ты не плебей –
Приезжай, приходи поскорее.

Ожидают приход короля?
Пусть явление это случится.
Хочешь, чтоб уважали тебя:
Есть резон, чтобы поторопиться.

Посленовогоднее

Вот и декабрь уже – прошлогодний,
С предновогодней своей суетой.
Ёлку признали профнепригодной –
В снег, как ненужную, вниз головой.

Как мы похожи с ёлочкой этой:
Были нужны, – значит честь и хвала.
Будь ты хоть трижды известным поэтом:
Нет, с тебя толку – на полку дела.

И на покой. Хорошо бы, не вечный.
Там пусть немного ещё подождут.
Знаем, что нам выходить на конечной,
Только у всех непохожий маршрут.

Мой город

Мне говорят, что город процветает.
Что город хорошеет с каждым днем.
Я красоты такой не понимаю,
Когда реклама светится огнем,

Заманивая в банки, в магазины,
В аптеки, что растут день ото дня.
Но вот такая бойкая картина
Не очень-то и радует меня.

Блестит красивой упаковкой город,
А я мой город знал совсем другим.
Тот город был мне бесконечно дорог
И навсегда останется любим.

Шахтерскою был славен красотой.
Заводов – многотрубною красой.
Где это все? Мой город, что с тобою,
С твоею героической судьбой?

Бездарные тебе слагают гимны,
Пуская лицемерную слезу.
Возможно над заморскими витринами
Вновь видят Вифлеемскую звезду?

Исчезли шахты. Не исчезла память.
Пытаются сравнить ее с землей.
Шахтерское, в каких архивах знамя?
И, что за знамя реет над страной?

Я городу помочь сейчас не волен.
Лишь только поэтической строкой.
А город мой сегодня очень болен
Одной болезнью вместе со страной.

Но верю – вновь шахтерским станет город.
И снова уголь выдаст на-гора.
Мой город, ты по-прежнему мне дорог
На все мои последние года.

Поэтам суетиться не пристало.
И рифмовать по поводу и без.
Подумаешь написано немало –
Стихи не принимаются на вес.
Как стеклотара не считаются поштучно.
Не измеряются тетрадок толщиной.
От арифметики такой бывает скучно:
Поэт, не занимайся ерундой.

Ш ...

По шоссе шуршанье шин
Шаловливым шепотом.
В эту пробку из машин
Вкручиваюсь штопором.

Шансонье шалит сквозь шум,
Шепелявит шельма.
И гаишник словно шут –
Вытаращил бельма.

Шла та Саша по шоссе,
Что сосала сушку.
Шла вдоль пробки неглиже
Наша Саша – душка.

Ты говоришь: стихи от Бога,
А сам коверкаешь строку.
Ну, написал стихи убого –
Причем здесь Бог, я не пойму?

Стихи твои не мироточат.
Не излучают Божий свет.
И разве Бог плохую строчку
Создал, а не дрянной поэт?

Да и пусть

Если осень – осень золотая.
А дожди – то все дожди косые.
Если клин, то журавлиный – тает.
Месяц, одинокий, в небе – стынет.

А мороз, конечно же, трескучий.
И впадает Волга, куда надо.
И от этого становится мне скучно.
Да и пусть.
И фиг с ним.
Ну, и ладно.

Времени больше нет,
Чтобы мне стать другим.
Скажи мне, что я поэт.
Скажи мне, что я любим.

Времени больше нет
На это, на то, да сё.
Может быть, дашь совет,
Как наплевать на всё.

Как развести мосты,
А может их просто сжечь.
Что ж я такой настыр-
ный, вот ведь о чем речь.

Времени больше нет,
Слышу обратный отсчёт.
Вижу далекий свет.
Пора, говорят, в полёт.

Пора, говорят, пора.
Махни, говорят, рукой.
Ни пуха тебе, ни пера.
Тяжко нам было с тобой.

Времени больше нет,
Чтобы мне стать другим.
Скажи мне, что я поэт.
Скажи мне, что я любим.

Дорожное

Опять вторая полка – конура.
Окно – мой Интернет и телевизор.
Сегодня с чехами как будто бы игра.
Я не на Евро. Нет шенгенской визы.

Я не туда. Я еду в никуда.
И все соседи может быть туда же.
Такая вот выходит лабуда.
А может и еще похуже – лажа.

Вагон плацкартный – общая судьба.
А где-то даже общая судьбина.
Наш паровоз летит. Куда, куда...
Караганда в окне промчалась мимо.

А может быть и не Караганда –
Заманчивая Чаттануга-Чуча.
Что не на Евро – это не беда.
Там хорошо, но есть и что получше.

Стучат колеса – вечный перестук.
Радистки Кэт веселая шифровка.
Куда лечу? Ты спросишь милый друг.
На запад, словно божия коровка.

Выбор

Пойдешь налево – отберут коня.
Идти направо – не имеешь права.
Пригубишь кубок красного вина –
Загубишь душу. Чистая отравка.

Захочешь прямо – прямо не пройди.
Забор кирпичный. КПП. Шлагбаум.
И нет тебе дороженьки-пути.
А повернешь – не оберешься сраму.

И топчешься на этом пяточке.
И видятся тебе свиные рыла.
И бьешься, словно рыба на крючке.
И верный конь не поднимает крылья.

И понимаешь – больше так нельзя.
Взлететь. И значит к черту все запреты.
Пришпорить беззаветного коня.
И раствориться в ярко-синем свете.

Пророк

Легко сегодня быть пророком.
Пророк на родине в чести.
Он знает даты, знает сроки.
И направление пути.

Он из души прогонит смуту.
И сон навевает золотой.
Он предречет за ночью утро
Над изнывающей страной.

И как всегда пророкам верит
И слушает, разинув рот.
И раскрывает настежь двери
Наш одурманенный народ.

Придет Христос, придет мессия.
Да мало ль, кто еще придет.
И обязательно Россию
От порчи дьявольской спасет.

Приоткрылась в клетке дверца.
Вырвался на волю.
Подлатали мое сердце.
Как мне жить без боли?

Как мне жить, о чём мне петь –
Я теперь не знаю.
Не догнать мне. Не успеть
В небе птичью стаю.

Улетаю вслед за ней.
Хватит силы, нет ли?
Я вернусь по весне
Пташкой на ветке.

Живу

Я – демоверсия на этом белом свете.
На что способен, пробует Господь.
А наигравшись – призовет к ответу
И скажет по-домашнему: ну вот,
Как говорят: фенита ля комéди,
Твоя закончилась прикольная игра.
Еще живут родные и соседи,
А ты, чудак, откинулся с утра.
А мне решать теперь куда тебя направить.
К чертям собачьим иль к апостолу Петру.
Меня ты забывал при жизни славить,
Метался словно пламя на ветру.
То занесло служить в московском храме,
То беспробудно горькую глушить.
Как в недописанной тобою мелодраме
Назло всему стремился доллюбить.
И отчего тебе претили полутени?
Ты, если что хотел, то до конца.
Ты думал вечно будешь жить, как Ленин?
Да, вот не вечны человечии сердца.
Ты – неудачное мое создание.
Моих стараний ты не оправдал.

Да, и сейчас вступаешь в пререканье,
Меня, Всевышнего, и то уже достал.
Пожалуй, я верну тебя обратно.
Ступай, помучайся еще с десятков лет.
И вспоминай тогда неоднократно
Не заповедь, а просто как совет:
Ты обуяй, ничтожество, гордыню.
Меня в стихках своих и в мыслях не хули.
Будь повзрослей в конце концов отныне.
Сегодня в настроеньи я. Живи.

В Сибири

Я думал, что я уже не сибиряк –
Юга меня переродили.
Но, понял тогда я, что это не так,
Когда очутился в Сибири.

Морозы трещат и метели метут.
Зима бесконечна, как детство.
Впервые в любви признавался я тут –
Куда же от этого деться?

Подальше положишь – поближе возьмешь.
И память хранила былое.
Что было когда-то, уже не вернешь.
И было ли это со мною?

Над тобой печаль кружила.
Молчаливая печаль.
Что с тобой, моя любимая?
Отчего ты смотришь в даль?

Отчего слеза непрошенно
Выступает на глазах?
Улыбнись, моя хорошая.
Стороной прошла гроза.

ЖИЗНЬ

Жизнь похожа на реку.
Русло – это судьба.
До скончания века
Берега, берега.

Океан ожидает.
Даже слышен прибой.
Что там? Кто его знает...
Буря или покой.

Бесконечно-безбрежный.
Неизбежный, как рок.
Мрак он или надежда?
Близок или далек?

Пожары

Какое холодное лето
В Сибири в десятом году.
А где-то, а где-то, а где-то
Жара как у Данте в аду.

Пожары сжирают деревни
Их голод никак не унять.
Языческий, страшный и древний –
Прожорливый идол огня.

Вот так из огня да в полымя
Россия во все времена
В том сладком отечества дыме.
Но может ли дым без огня?

Не проси

Боже, исцели и вразуми.
Только Бог не врач и не учитель.
И тебя от зверя не спасти,
Потому, что Бог не укротитель.

От бандитов тоже не спасет.
И не станет твоей верной крышей.
И от пьянства смерть не отведет,
Даже, если всемогущ Всевышний.

Так и слышно: Боже, дай мне, дай.
И разнообразны эти просьбы.
Кто заранее билетик в рай.
Ну, а кто – хотя б, местечко возле.

Даже нет монетного двора.
Где печатал бы Господь банкноты.
Не проси копеечки с утра,
А пойди и просто заработай.

Запойное

Ты выходишь из запоя,
Словно раненый из боя.
И зализываешь раны
Растревоженной души.
То скулит она, то воет,
То кого-то матом кроет.
Над тобою черный ворон
Белым ангелом кружит.

Санитары. Санитарки.
Старой сталинской закалки
Окружают и смеются:
Мол, поможем – потерпи.
И компрессы и припарки.
И шприцы. И банки-склянки
Для таких, как ты найдутся –
Руки вверх и выходи.

Знаю я, что ты не выйдешь,
Лучше бой неравный примешь.
И поднимешь, словно знамя
Свой испытанный стакан.
И отчаянно увидишь
Красной лентой близкий финиш.
И сгустится над тобою
Отрезвляющий туман.

Страдания

Вот такие пироги.
Вот такие булочки.
Ты мою не ходи
Улочкой.

Позабуду навсегда
Я твои признания.
Всходит на́ небе звезда
Ранняя.

Нежных писем мне не шли.
И стихов измученных.
Фотокарточку порви
Случаем.

Вот такие пироги.
Вот такое времечко.
Замету следы твои
Веничком.

Суицидальное

Я согреюсь в горячей ванне,
Словно в облаке – в белой пене.
Упаду, утону в нирване –
В темном омуте просветленья.

И душа воспарит над миром,
Оборвав все земные нити.
Просмотрели меня часовые.
На посту своем крепко спите.

Что ж вы пастыри без усердия
Так пасете своих овечек.
Может мало у овечек веры.
Может много сжигают свечек.

Мне нигде не найдется места.
Ни в аду, ни в обители райской.
Моя воля – моя невеста.
Дождалась, моя милая, здравствуй.

Праздники прошли

Народ растерян. Праздники прошли.
И надо снова окунаться в будни.
На дне бокалов так и не прочли,
Как в книге судеб, что же с ними будет.

А что же будет? Будет суета.
И день один на день другой похожий.
Но, все же будет раньше рассветать.
И чаще улыбаться вам прохожий.

А это есть предчувствие весны,
Хоть впереди февральские метели.
Нам для того они, наверное, нужны,
Чтоб мы сильнее солнца захотели.

А новый год вступил в свои права.
Но только те же слышатся нам песни,
В которых повторяются слова
О повышении несчастных пенсий.

У них там за кремлевскою стеной
Все хорошо. И лучше быть не может.
А что здесь с новогоднею страной
Их не гребёт и совесть их не гложет.

Народ ликует. Праздники прошли.
Они уже изрядно надоели.
Покой и волю люди обрели,
Которую всегда они хотели.

Короткая строка

Мне больше нравится короткая строка –
Она как выстрел.
Одно лишь легкое нажатие курка –
И вылет мысли.
И к ней добавить нечего, да и отнять –
Звенит струною.
Как необъятное пытаешься объять
Такой строкою.

Секунда

Торопим время как коней,
Спеша к последнему приюту.
Летят листки календарей
И сколько б не осталось дней –
Не хватит нам одной минуты.
Одной секунды, чтоб вздохнуть,
А сколько этих вдохов было –
Предчувствием томилась грудь,
Когда мы отправлялись в путь,
Восторженно расправив крылья.

Друзья

Нет друзей. И это не друзья.
Оставайтесь в ваших кабинетах.
Это потревожил вас не я –
Призрак, вдруг возникший прошлым летом.

Он уже ушел в небытие.
Незачем еще вам хмурить брови.
Если были вы в его судьбе –
Он считал вас братьями по крови.

Было. Ах, как было, но прошло.
Нет меня, и вы не тяготитесь.
Вам не надо тратить много слов.
Если я – то вы перекреститесь.

Я вас не виню. Не мне судить.
Это видно дьявольское время.
В нем нам суждено сегодня жить.
Прошлое студенческое племя.

Есть друзья. И это есть друзья.
Снимут и последнюю рубаху.
Вдруг случится – их забуду я.
Не печальтесь. А пошлите на ...

Осенний дворник

Падают листья. Ну, что им до дворника?
Он их метлою усердно сметает.
Ритм, задавая уставшим любовникам,
Только об этом не подозревает.

Дворник – с техническим образованием.
Что-то там с физикой твердого тела.
Вот и метет себе на пропитание,
Какое проходим до этого дело?

Кто он такой? – Знать им необязательно.
Он помотался по белому свету.
Если к нему приглядеться внимательно –
Можно увидеть в нем даже поэта.

Можно мечтателя. Можно – романтика.
Только прохожие мимо проходят.
Спички бросая, окурки и фантики.
Дворник за ними порядок наводит.

Как же мечты? Невозможно предать их.
Ночи длиннее, но звезды всё ближе.
Желтые листья на мокром асфальте
Ветер-дворняжка восторженно лижет.

Поэты

У поэтов стигматы
Не на теле – в душе.
Без вины виноваты
Тем, что пишут уже.

Да, и ладно б писали –
Норовят почитать.
То про дальние дали,
То про Родину-мать.

Ну, а кто будет слушать
Их болезненный стих?
Терпеливая лошадь.
И взволнованный псих.

Кровоточат стигматы
У поэтов в душе.
Без вины виноваты
Тем, что пишут уже.

Было

Было – пел я свои песни
Под нехитрые пять аккордов.
Я грустил, а мой пёс был весел.
И счастливой светился мордой.

Что тоскуешь, мой друг-хозяин?
Теребишь эти звонкие струны?
Может сходим с тобой погуляем –
Видишь вечер, какой лунный?

И под лапами снег хрустящий.
Что с тобою нам минус тридцать?
Перепутал несчастье и счастье –
И тебе от того грустится.

Дай, я лапы тебе на колени
Положу и тихонько пролаю.
Я тебе изменю настроенье
И, конечно с тобой погуляю.

Было – пел я свои песни
Под нехитрые пять аккордов.
Я грустил, а мой пёс был весел.
И счастливой светился мордой.

Between two hearts

После стольких сомнений
И бессонных ночей –
Я ничей.

Между двух своих судеб.
Между двух берегов –
Без оков.

И теченьем уносит,
Как осенний листок –
На восток.

Ну, а нити не рвутся.
Только пу-тают-ся.
Без конца.
Без конца.
Без конца.

Ночные часы

Бесстрастные часы, невозмутимо
О бренности вещают бытия.
Мгновеньям счет ведут неумоимо,
Не замечая отрешенного меня.

Как заколдованный, секунда за секундой,
Плету из слов ночные кружева.
И сам не знаю и не ведаю – откуда,
Незаменимые находятся слова.

А за окном осенний желтый месяц
Грустит о чем-то дальнем, о своем.
Он на приветствие слегка поклон отвесит.
И снова грезит. Грезит о былом.

В плацкарте в Сибирь

С дешевым билетом в цыганский табор.
Жаль только – не слышно ржання коней.
Наверно для них отведен тамбур.
Ну, а плацкартный вагон для людей.

Жизнь кочевая. Четверо суток.
Спасибо китайцам за их Доширак.
Но, я забываю о русском супе.
А это недобрый, мне кажется знак.

Колеса стучат азбукой Морзе:
Может быть точки, а может тире.
А я с виноватой собачьей мордой
На верхней полке, как в конуре.

Друзьям

Друзья.

Как сладко слышать это слово.

Как беспричинно-следственно

Оно ласкает слух.

Друзья тогда, когда тебе хреново.

И хочет клюнуть жареный петух.

Друзья забудут давние обиды.

И почему б, лет через тридцать – не забыть...

Друзей своих, как тот Париж, – увидеть.

Но, чтоб не умереть, а вечно жить.

Их, благородных, с поседевшими усами,

Сократовы наморщившие лбы,

Как в прошлом веке, назову друзьями.

Сегодня – сказка. Завтра, может – быть.

И пыль дорог сибирских, каторжанских

Меня в Сибирь холодную влечёт.

И, возвратясь,

Как блудный сын,

Из дальних странствий,

Душа моя свободу обретёт.

К себе

Мой друг. Романтик. Мальчик от наива.
Ты все такой же, в розовых очках?
Такой же глупый и такой счастливый
В заоблачных, несбыточных мечтах?

На корабле под парусами – уплываешь.
К далеким неизвестным островам.
И что тебя там ждут – ты это знаешь.
И веришь всем своим призывным снам.

Меж небом и землею существуешь.
И сам себя пытаешься понять.
То светишься ребенком, то тоскуешь.
И все ошибки повторяются опять.

Ты все такой же? Мальчик от наива.
И все еще одет не от кутюр?
Сибирско-ставропольского разлива –
В реальности своей. С приставкой «сюр».

Лето. Июль

Коту матрац ортопедический не нужен.
Он спит в укропе и в помидорах.
Он – не собака. И хозяину не служит.
И на цепи – не ходит вдоль забора.

Его и так должны любить за то, что есть он.
За то, что ест он. Ни что попало.
За то, что он мурлычет ночью песни.
А этого, конечно же, не мало.

И он лежит себе под зонтиком укропа.
Хвостом виляет. И в ус не дует.
А в небе разъяренный глаз Циклопа
Копье Синдбада получить рискует.

Муза

Грешить на Музу, что на зеркало пенять.
И вечно ждать в безумном нетерпении.
На то и крылья, чтобы улетать.
И возвращаться тихим дуновеньем.

Мне без тебя нельзя уже никак.
Сойти с ума от ночи до рассвета.
И утонуть в посредственных стихах
Непризнанным, несчастнейшим поэтом.

Хоть ненадолго, все же, прилетай.
Склонюсь в поклоне над столом дубовым.
А там..., хоть никогда не рассветай.
Перо выводит на листке за словом слово.

Как мало надо, чтобы умереть.
Как много, чтоб когда-нибудь воскреснуть.
А мне б сегодня до утра успеть
Допеть когда-то начатую песню.

Умереть

Я хочу умереть после бани.
В белоснежной и чистой постели.
Чтоб вода в пресловутом стакане
Серебрилась весенней капелью.

Чтобы книга моя со стихами
В самиздатовской суперобложке.
Чтобы солнечными лучами
Жизнь струилась бы из окошка.

Чтобы воздух был свежим и вкусным.
Чтоб дышал и не мог надыхаться.
Чтобы не было мыслей о грустном.
Жаль, вот повода нет рассмеяться.

Чтобы около – не хлопотали.
Я не первый. И не последний.
Чтоб на цыпочках не ступали,
Но и песен, конечно б, не пели.

Не положено веселиться.
Только знайте, что я не против
После смерти своей воплотиться
Не в граните – хотя бы в бронзе.

О советском геологе

У советского геолога – первым делом
чувство долга.
И бродил он с этим чувством, с молотком и
рюкзаком
По просторам необъятным очень медленно
и долго.
потому, что был он в кедах и ходил всегда
пешком.

Молоточком он откалывал от булыжника
кусочки.
Заворачивал в бумажку, клал в бездонный
свой рюкзак.
И со старенькой гитарой (неженатый,
между прочим) –
Вот такой он был сознательный,
отъявленный чудак.

И стране своей любимой он дарил
месторожденья:
Нефть и газ, алмаз и никель, алюминий и
уран.
Чтоб качали абрамовичи офигительные
деньги
Из народных недр родины прямо в
собственный карман.

А геолог тот на пенсии. Ни копейки нет, ни
пенса.
На стене висят две грамоты, а в столе лежит
медаль.
Жил геолог с чувством долга. Прожил
жизнь геолог честно.
И сейчас геолог часто, улыбаясь, смотрит
вдаль.

Без правил

Без правил бои. И танцы без правил.
И русский – без правил. Богатый. Могучий.
И неразличимы ни Каин, ни Авель.
И мы не узнаем (без правил) – кто лучше.

Все просто. Победа за тем, кто сильнее.
Кто первый ударит. Кто выскочит первый.
Вот тот – самый правый. И даже правее.
Как в дыме пропахшей, портовой таверне.

Как басню представить нельзя без морали,
Так невозможно на свете без правил.

Шахматные мотивы

Жизнь совсем не полосата –
Поле шахматной доски.
Ходит конь витиевато
От тоски и до тоски.

Где же слон мой белополюный?
Где твоя диагональ?
Мне бы вырваться на волю
В чисто поле. В светлу даль.

Конь кивает умной мордой.
И танцует вальс-бостон –
Бело-черный. Бело-черный.
Под судьбы аккордеон.

Первомайское

Нет в деревне демонстраций.
Транспарантов и знамен.
Нет крикливых самозванцев,
Претендующих на трон.

Нет в селе миллионеров –
Столько не наворовать.
Есть завклубом баба-стерва –
Хочет первой быть. Как знать?

Нет в деревне левых, правых.
Каждый третий – от сохи.
Что им имидж, что им слава?
Да, и эти вот стихи.

Есть в деревне телевизор.
В телевизоре – Собчак.
Не нужна в деревню виза.
Приезжайте просто так.

Старый конь

Я в транс войду. Впаду в нирвану.
На ровном месте упаду.
Не от того, что в стельку пьяный,
А что не порчу борозду.

Ведь старый конь ее не портит.
А я и есть тот старый конь.
Пора вручить в Кремле мне орден –
И на заслуженный покой.

Или как загнанную лошадь –
Без сожаленья пристрелить.
Борозд напортил много в прошлом.
Уже б и хватит бороздить.

Эпитафия зубу

Прощай мой зуб. Мой друг сердечный.
Мой самый верный. Коренной.
Ничто, к несчастью, не вечно
Под этой вечною луной.

Сжевал ты многое на свете
От шашлыков до сухарей.
Среди зубов в авторитете –
Сверкал коронкою своей.

Не сосчитать пивных бутылок,
Что довелось тебе открыть.
Куда с тобой нас не носило –
Ты все готов был раскусить.

Не ел лангустов и омаров.
И к устрицам бывал брезглив.
Ты был еще совсем не старый.
Что не сберег тебя – прости.

Но, ты ушел. С такою болью.
Тебя я в вечность отпускаю.
Не посыпаю рану солью.
А марганцовкой полощу.

Отсутствие

Отсутствие света – тьма.
Отсутствие Бога – Дьявол.
Краснеет на небе Марс –
Нет там цветущих яблонь.

Отсутствие смысла – бред.
Сивой-пресивой кобылы.
Не продают билет
К той, что тебя забыла.

Отсутствие жизни – смерть.
Отсутствие всех присутствий.
Вяжет паук свою сеть.
Грустный.

Отсутствие света – тьма.
Все, что без Бога – Дьявол.
Сойдут марсиане с ума
Без аромата яблок.

Коромысло

За шелухой слов порой не видно смысла.
А то и вовсе смысл искажен.
Витиевато напишу про коромысло –
Читатель скажет: как же он умен!

Здесь по Эйнштейну искривленное
пространство,
Загнувшее изделие в дугу.
И что-то про буддизм и мессианство,
И карму мысли коромысла. И судьбу.

И полных отрицанья пара ведер.
И растворенных инь и даже янь.
И сила трения при ходьбе двух женских
бёдер
Той, что вдруг по воду пошла такую рань.

Да и зачем? Водопровод рабами Рима
Еще проложен был. Куда ж она пошла?
А может одиночеством гонима?
И коромысло то у бабушки взяла.

Да зря про шелуху... ее б побольше.

Читатель умный, что скрывать – он все
поймет.

Но, все-таки... Попроще бы, потоньше.

А симплекс асимптоты подождет.

Авантюрист

Риск и случай – твои два бога.
Удалась авантюра – гений.
Ну, а если прервалась дорога –
Не твое это значит время.

На Земле магелланам тесно.
Неоткрытого не осталось.
Океаны и те уже пресны.
Что там шарик земной – малость.

И готовишься снова в дорогу.
И скафандр похож на доспехи.
Риск и случай – твои два бога.
И от каждого по отметине.

Предательство

Возрадуюсь, что предал друг –
Он не был таковым.
До недрузей мне не досуг.
И нет друзей. Увы.

Не то, что б жизнь коротка –
Как не было совсем.
Как до последнего глотка,
В отчаянном броске.

Последний самый сладкий вздох –
Как будто не дышал.
И сотни самых верных строк –
Как будто не писал.

Еще пол неба за окном.
И воздуха! Дыши.
Но, что так дышится с трудом?
Совсем не от души.

И что ж не верится душе
В бессмертие своё.
Не говорите мне: уже
Он песни не поет.

Мол, головой на стол. Устал.
Расслабил кулаки.
Он нынче друга разменял
На пятаки.

Возрадуюсь, что предал друг –
Знать не был таковым.
До недрузей мне не досуг.
Увы ль?

Луна

На эшафот вселенской гильотины,
С лицом бледнее тысяч бледнолицых,
Взойдет приговоренной, но невинной,
Простоволосою красавицей-девицей.

Далеких факелов светящиеся точки,
К ее судьбе так безразличны, безучастны.
Погибель колдовскую напророчат
Непонятой, непознанной, несчастной.

Последними словами эпилога,
Беззвучно шепчущей, катящейся главою,
Она останется все той же недотрогой,
Когда рассвет кровавый горизонт омоет.

Будем жить

Соседка баба Рая, которой девяносто,
Сказала, улыбаясь: до ста лет буду жить!
А солнце ярко светит. И все легко и просто.
И мне б еще с полвека небо покоптить.

А небо голубое, высокое такое.
И самолет прочертит линию судьбы.
Росчерком туманным, небесною строкою
Заставит все печали навеки позабыть.

Спасибо, баба Рая, что ты живешь не мало.
Трактатов не читала о смысле бытия.
Что сыновей и дочек на белый свет рожала –
Такая твоя линия и женская стезя.

Живи, не сомневайся. Ну, что такое старость?
И паспорт свой подальше возьми, да отложи.
И я считать не буду: а сколько мне осталось?
Без всяких философий на свете буду жить.

Диалог с самим собой

Не бывает монолога.
Диалог. С самим собой.
Без возвышенного слога.
Откровенный и прямой.

Что ты в этом мире значишь?

В чем

пред

наз

на

че

ни

е?

И какой монетой платишь
Ты за забвение.

Нет забвения страшней.
Нет страшней ненужности.
Откреститься б от страстей
Забубенной юности.

Да, нет же..., лучше сохраню
Плохое и хорошее.
И окошко отворю
Из нынешнего в прошлое.

Если праведником стать –
Утонуть в безгрешности,
Разве будут вспоминать
С нежностью?

Буду я такой, как есть.
Нагрешу – покаюсь.
В небе звездочек не счесть.
А я все пытаюсь.

Сомнения

Меня угнетает, что я не китаец.
Тревожит все время, что я не еврей.
И эфиопом я стать не пытаюсь.
Печалюсь, что я не японский сэнсэй.

Что я не индус, не монгол, не индеец.
Что я не узбек, не таджик, не киргиз.
Что я не люблю так собак, как кореец.
Хотя и возможен на рынке сюрприз.

Я беспокоюсь, что я не эстонец.
И даже, простите меня, не латыш.
Не в бурке с кинжалом на лошади горец.
И точно не тот, чья столица – Париж.

Переживаю, что не мексиканец,
И даже не рыжий ирландский мужик.
Он в эль окунает обкуренный палец.
От удовольствия, свесив язык.

Не австралиец, не факнутый янки.
Не замечательный эскимос.
И может сомненья мои после пьянки.
Русский я.
Русский я.
Что за вопрос?

Рок-н-ролл жив!

Кто скажет, что Джаггер не молодой?
Маккартни – не юный Пол?
«Andge» звучит над моей головой,
Слышна несравненная «Girl».

Английский вначале входил в мою кровь.
А после, как надо – в мозги.
Я чувствовал, love это значит, любовь.
I want you – хочу любви.

Не были разве The Beatles в Москве :-)?
«Back in the USSR».
Я видел прилет их однажды во сне.
Звенела вокруг весна.

А хулиганистый The Rolling Stones? –
It is only rock and roll.
Какие там звезды – четверо Солнц,
Нам запрещал комсомол.

С трепетом диски держал я в руках,
Разрезанным яблоком – диск.
I need you, с улыбкой всегда на губах,
Путая миссис и мисс.

Кто скажет, что Джаггер не молодой?
Маккартни – не юный Пол?
«Andge» звучит над моей головой,
Слышна несравненная «Girl».

ПЫЛЬ ВЕКОВ

Я вглядываюсь в пыль веков.
На ней виднеются следы.
Остатки древних городов.
Из прошлого до нас – мосты.

Костры. Сигнальные костры.
Я вижу их далекий свет.
И стрелы из колчан – остры,
Пробили толщину лет.

Татарский дикий слышу вой.
Подкованных копыт – стук.
Кривая сабля надо мной,
Как бешенная взвизгнет вдруг.

И там, среди крови – любовь.
Какое время без любви?
Все повторится вновь и вновь.
А время, знай себе летит!

Я вглядываюсь в пыль веков.
На исчезающие в ней следы.
Затихли звуки городов.
Им очень долго снятся сны.

Я

Не сфальшивишь – подпоют.
А обманешь – проклянут.
Жить с проклятьем не с руки.
Не обманывай. Не лги.

Не закручивай усы.
Ты не Сальвадор Дали.
О своем. По своему.
Сшито мною. Скроено.

Начерно ли. Набело.
Белым снегом замело.
Сквозь бинты кровит заря.
Растревожил утро я.

Прогоню свою печаль.
Вот вам подпись. Вот – печать.
И пойду навстречу дня.
Я.

.....Я.

.....Я.

Лето

Опять необычно привычное лето.
Зима позабыта, как прошлые жизни.
Все было когда-то. Осталось где-то.
И смотрит на лето с немой укоризной.

А солнечным летом каштаны и липы
Зазеленели в тенистой аллее.
Исчезли постылые вирусы гриппа.
И без одежд люди помолодели.

И похудели. Без шуб и дубленок.
Преодолев гравитации силы,
Влюбленные пары парят над землею.
Как это странно. И как это мило.

Ласковый ветер. Теплый и пряный.
Ножки погладит. Обнимет за плечи.
От виноградников чуточку пьяный.
Он расшалился сегодня под вечер.

Зеленоглазое страстное лето.
Задайте вопросы.
И ждите ответа.

Убийца времени

Два часа моей жизни убито безжалостно.
И убийцу никто, никогда не осудит.
Прекрати же, товарищ убийца,
пожалуйста.
Пред тобою не белые мыши, а люди.

Из пустого в такое же пустопорожнее.
Осторожнее лектор. Не буди Ганнибала.
Растерзает. Ведь слушать уже
невозможно.
Замолчи.
.....Твоя лекция
.....заколебала.

Утро

Рассветный луч, как маленький ребенок
Раскрашивает бледно-серый мир:
Зазеленеют тополя и клены,
На рейде забелеют корабли.

И с каждой секундою все краше.
Уже рассветных множество лучей,
Без устали все сущее раскрашивают
Для спящих и проснувшихся людей.

Разговор

Есть словеса, почти что невесомы.
Воздушным шариком плывут над головой.
Они привычны и давно знакомы.
И ничего не делают со мной.

Такой же я. Не лучше и не хуже.
И не взволнован и не разозлен.
Ни говорящий мне, ни я ему не нужен.
Но, я терплю. Пусть выскажется он.

И я словесных брызг не пожалею.
Такой вот состоится разговор.
Закончился бы только поскорее,
А то все длится, к сожалению, до сих пор.

Свобода

Свобода убивать.
Свобода быть убитым.
Свобода умирать
Убогим и забытым.

Свобода слова и
Свобода выражаться.
За баксы и рубли
Свобода отдаваться.

Свобода быть тупым
И безнадежно серым.
Быть модно – голубым.
И быть пикантно – стервой.

Свобода оболгать.
Обворовать – свобода.
И что-то не видать
В потоке мутном брода.

Свобода, бл.дь.
Свобода, бл.дь.
Свобода.

Зря

Что-то слово стало непослушным.
Огрубела, может быть, душа.
Настоящее уходит в прошлое
Не спеша.

Где оно, сегодняшнее утро?
От прошедших утр не отличить.
Словно пьянице в запое беспробудном
Жить.

Только вот не пишется сегодня.
Как не написалось и вчера.
День, как жизнь безудержная, пройден
Зря.

Назовите

Назовите корсаром – пирата.
А бандита – боевиком.
Голубою звездой – педераста.
Назовите их хоть горшком.

Потребительскою корзиной
Назовите позорный паек.
Деду Васе и бабе Зине,
Что в корзине и невдомек.

На лекарства отдать копейку –
Богу душу, чтоб не отдать.
И судьбу, сгоряча, злодейкой,
Не смотря ни на что – не назвать.

Назовите законом – дышло.
Идеалом – глумливый гламур.
Кто в России сегодня лишний
В стародавнем своем дому?

А кому же живется весело
И вольготненько на Руси?
Безответная ива развесила
Свои ветви до самой земли.

Циник

На цинике ценник с одними нулями.
Целесообразен и страшно умен.
Как горн раздувает он личное пламя,
Считая, что все же недооценён.

Он пост соблюдает. Не верит, а знает:
Простятся Всевышним земные грехи.
Чтоб цели достигнуть (а цель не простая),
Все средства его, как всегда, хороши.

Кого отодвинет. Кого-то затопчет.
Какие там судьбы? О чем это вы?
Так нужно Ему. Он этого хочет.
Он прав, несомненно. А вы не правы.

На цинике ценник. Как дорог, однако!
Но циник считает – недооценен.
Он снимет последнюю вашу рубашку.
Я видел такую рубашку на нем.

Самогон

Толкователи снов. Изрекатели истин.
На любые вопросы – цитаты в ответ.
Под цикутой цикады грызут свои листья.
И, поют за куплетом куплет.

Изрекатели снов. Толкователи истин.
Ваше крепнет с годами вино.
А, моё, неумелое, бродит и киснет.
Значит делать вино не дано?

Пусть забродит мое виноградное сусло.
Моя истина. Мой давний сон.
Мне не будет совсем одиноко и грустно,
Если я получу самогон.

Ожидание зимы

Уже не осень. Но и не зима.
А, межсезонье. Неопределенность.
И мокрый снег сведет тебя с ума.
И не любовь. И даже не влюбленность.

А, только ожидание любви –
Магических, мерцающих кристаллов.
Они закружат в танце фонари –
Чего ж висеть им на столбах устало?

Вдруг разом ощущение зимы.
И праздник холодком к тебе за ворот.
И нет уже осенней той страны,
И стал совсем другим привычный город.

Приди зима. Сибирь мне станет ближе.
Где не был я почти, что двадцать лет.
И я с таким волнением увижу
От снега отраженный давний свет.

И это будет

Безразличный, безучастный, безответный.
Я на взгляды и на вздохи не отвечу.
Оттого сегодня тихий я и светлый –
Молчаливо светят тоненькие свечи.

Безразличный, безответный, безучастный.
Отстраненность необычная впервые.
Перепутались и счастье и несчастье.
Каплей воска на свече моей застыли.

И замрет в полете дымное кадило.
Вместе с дымом улетят слова молитвы.
И священник соберется торопливо
И обыденно уйдет в мою калитку.

Сколько можно этих церемоний?
Может хватит. Все равно я не отвечу.
В нетерпении бьют крылами мои кони,
Задувая пламя тонких, тонких свечек.

Опять ненастье на душе.
И был бы для причины повод.
Себя – поручиком Киже
Я ощущаю снова.

Записан я в ведомостях
На получение зарплаты.
Замечен даже в чьих-то снах.
Был посылаем матом.

За что-то там голосовал.
Подписывал – Ю.В. Матвеев.
И на собраниях зевал.
Отстали лишь бы поскорее.

Писал нехитрые стишки –
Давал стране макулатуру.
И всё за красные флажки
Залезть пытался сдуру.

И что с того? И что с того?
Уйду, и даже не заметят
Исчезновенья моего.
Как будто и не жил на свете.

Опять тоскливо на душе.
И был бы повод для причины.
Еще не сказано: уже.
Вы следующий Туда, мужчина.

Еще не сказано: пора.
Аз есмь. Значит существую.
И я сегодня до утра
Всю жизнь свою перетоскую.

Тело

Тело привычно, как старое платье.
Немного потерлось. Чуть-чуть потускнело.
Разве оно для меня устарело?
Просто осталось любимой загадкой.

Шов от разреза с кривыми стежками.
Господи, как же давно это было!
Вот и морщины своими штрихами
Самое умное место покрыли.

Буква – попытка татуировки,
На пальце синее памятным следом.
Может в любви тот мальчишка неловкий
Ей признавался счастливейшим летом.

Тело, как старое платье – привычно.
Там где чернело, теперь серебрится.
Может быть, я стал сегодня забывчив.
Только, что было – все чаще мне снится.

Остаться в живых

Из жилищ, как из нор.
В этот суетный мир.
За колючий забор.
Из квартир.

Из окопов-домов,
На плече карабин.
И тебе нелегко.
Ты один.

И тебе далеко.
Здесь у всех на виду.
И канат высоко –
На беду.

И арена – кольцом
Немосковских дорог.
И по ним босиком.
Спаси Бог.

Только к первой звезде
Возвратиться успеть.
Двери, окна везде
Запереть.

И раскрас боевой
Смыть холодной водой.
И вздохнуть глубоко.
Глубоко.

A Day In The Life

Переоценивая ценности,
Меня ярлыки и ценники.
Друзья, враги – перетасованы.
И маски с масок снова сорваны –
Как голос в крике. Только, что потом?
Смеяться, что ли хриплым шепотом?
Волною синусоидальной,
Как возвращенье с несвидания.
Как предложение безличное:
Смеркалось. День такой обычный.
И часть камней опять разбросано.
Тоска ввалилась в дом непрошено.
И прогонять ее не хочется.
Она опять сюда воротится.
Лишь только ночка предстоящая –
Моя. Такая настоящая.
Или пишу стихотворения.
Иль погружаюсь в сновидения.
Полузнакомая, астральная –
Аэропортная. Вокзальная.
Жизнь в снах моих потусторонняя.
Вот и закончилось «сегодня».

Гастрономическая фантазмагория

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

А. Блок «На поле Куликовом»

И вечный борщ! Харчо нам только снится.
И куры гриль
Не полетят, как та степная кобылица,
Что мнет ковыль.

Икра красна. Стаканы наши быстры –
Граненый блеск.
Трясется студень, ожидая в миске
Судьбы конец.

Селедке в шубе жарко и тоскливо.
Все в табаке
Цыплята вертят ножками игриво –
Шоу-балет.

А поросенок глазки строит крабам
И хвост винтом.
Вульгарная и сладкая ром-баба,
Как управдом.

Бифштекс в крови! На блюдо кровь струится.
И слышен стон.
Покоя нет! А, может это снится?
И в руку ль сон?

И нет конца! Мелькают рыбы, раки.
Шашлык-машлык.
И просятся лихие кулебяки
На наш язык.

Обжорства для. Сей стол не для гурманов.
Без трюфелёй.
Без надувательства и вовсе без обмана.
И без затей.

Возникла строчка в голове,
Как трек от атомной частицы –
Тысячелетний прерван бег,
Чтобы во мне остановится.

Конгениальные слова.
Божественное откровенье.
Еще чуть-чуть. Едва-едва –
Засветится стихотворенье.

И потянулася рука
Найти перо. Найти пергамент.
Пока горит во мне строка
Трассирующими штрихами.

И тут ... мелодия звонка.
Какое мелочное дело.
Куда девалася строка?
Вдруг испарилась. Улетела.

Забыл.....

.....И сам себя кляну.
Убит. Несчастен. Уничтожен.
Я потерял всего одну
Строку, что нет ее дороже.

И я растерянно притих.
Невосполнимая потеря.
И я уже совсем не верю
В свой самый лучший в жизни стих.

.....

Но, тут.... Вдруг строчка в голове,
Как трек от атомной частицы –
Тысячелетний прерван бег,
Чтобы во мне остановится.

В себе

Я утром выйду из Себя –
И по делам.
Как Феникс все мои дела.
И подделом.

Я вне Себя так уязвим –
Лишь попади.
И сигаретный чей-то дым
В моей груди.

И слово виснет как серьга –
Ударь. Звенит.
И снова солнцу убежать
В зенит.

И августовский летний зной
Опять.
И не ответив, что со мной –
В Себя.

А там темно. Темно, хоть глаз
Коли.
Живем один всего лишь раз
Поди.

Один. Один. Один. Один.
В Себе.
Не укради. Не возлюби?
Во мне.

Десять, девять, восемь, семь...
До противоположного все просто.
Навсегда и насовсем
Разлетаются вопросы.

Пять, четыре...два, один.
И совсем тебе не больно.
Лампу гасит Аладдин.
Хватит. Хватит. Всё. Довольно.

Верил, что ли в чудеса?
Прилетала, что ли фея?
Голубые небеса
Над хрустальным мавзолеем.

Там царевна смиренно спит,
Ожидая поцелуя.
Ветер знойный залетит
И свечу её задует.

Сказка ложь, да в ней намёк.
Петушок златой вертётся.
Лодка по́ морю плывёт
И горит огнём Жар-птица.

Нет чудес. И сказки – нет.
Мир реальности – для взрослых.
И на все один ответ,
Сколько б ни было вопросов.

Не люблю

Не люблю, когда двери
Скрипят за моею спиною.
Не люблю, когда тени
Молчат и молчат под луною.

Не люблю, когда ветер
Листает без спросу страницы.
И никто в этот вечер
В скрипящую дверь не стучится.

Не люблю, когда взгляды
Отводят, как-будто спасаясь.
Опасаясь быть рядом.
И уйти от себя, опасаясь.

Не люблю, когда мысли
Теряют свои очертанья.
Когда песни без смысла –
За красивым скрываясь названьем.

И опять тот же ветер –
Он все злится, листая страницы.
И ничто в этот вечер
Со мною уже не случится.

Атеист

Растает атеизм на смертном одре.
И молвит тихо: Господи, прости...
Мой дарвинист задумчивый и гордый,
Существование Бога допустив
Впервые в жизни. Позабыв про обезьяну,
От кой ведется человеческий род.
Которая менялась постоянно,
И в человека превратилась.
Вот.

На смертном одре – атеизм? Да, что вы?
В последний миг встрепещится душа.
Падут гипотез тяжкие оковы.
И – слово.
Богу.
Запоздало.
Чуть дыша.

Не надо

Писать бездарные стихи –
Неблагодарное занятие.
О, обитатели стихир!
Мои пытливые собратья.

Не вам. Себе напомним я.
О нужной мусорной корзине.
Пусть там находится мазня,
А не кичится в Паутине.

Жалеть читателей своих.
А время нынче дорогое.
Не всё рифмованное – стих.
Не всё, что с пробой – золотое.

Легко кивать на обстоятельства.
На неожиданность препятствий.
И от препятствия попятиться.
И обстоятельств испугаться.

Легко признаться в невозможности,
При совершении поступка.
Преодолев барьер условности,
В ответ услышать: это глупо.

Труднее убежать от взрослости –
И в путь-дорогу в одночасье.
От безысходности и косности
Навстречу счастью и несчастью.

И не кивать на обстоятельства –
На неожиданность препятствий.
И от препятствия не пятиться.
И обстоятельств не пугаться.

Молитва по фене

Боже, прости, что ли.
Вчера замочил гада.
Век не видать воли.
Сам виноват. Падла.

Суд у тебя Страшный.
И нереальные сроки.
Я у попа спрашивал,
Брал, так сказать, уроки.

Господи, всемогущий.
Я за базар в ответе.
Сказали, что в райские кущи
Мне, вроде как, не светит.

Покаюсь на всю неделю,
Мало ли что случится.
Когда я еще успею
Тебе, как сейчас, помолиться.

Я откажусь от травки.
Ментам подарю «Бумер».
В храм отстегну бабки,
Пока я еще не умер.

Я вижу, Ты любишь свечки.
Я их люблю тоже.
Мобила, прости. До встречи.
Стрелку забили.
Боже.

.....
В первых рядах в храме.
Молитва и та по фене.
Перекреститься перстнями –
Пальцы, скрутив в крендель.

Ожидание

Хрустальный купол одиночества
Над повзрослевшим человечеством.
А человечеству не хочется
Быть одному в объятьях вечности.

Единственность и уникальность.
Свою отметину избранников.
Отдать взамен сигналу дальнему
От звездных, старших наших братьев.

В каких, таких земных пророчествах,
В каких неведомых скрижалях
Конец предсказан одиночеству?
Когда вдруг к пирсу человечества
Корабль космический причалит.

Знаки

Придуманные символы и знаки.
Чудесные знамения судьбы.
Они одни для черни и для знати.
Как в полнолуние холодный диск луны.

Парад планет. Летящая комета.
Цветущий папоротник в зарослях тайги.
В который раз случится конец света.
Уже один архангел протрубил.

Тринадцатое. Пятница. И значит
Восстанут непременно силы тьмы.
Придуманные символы и знаки.
Чудесные знамения судьбы.

Тот остров

Слова, как капли с неба,
Упали на страницу.
Мне продолжает сниться
Тот берег, где я не был.

И тихий шум прибоя.
И чайки над волнами.
И всё случится с нами
Под вечною луною.

Под вечною луною.
Такою молодою.
Такою молодою.
Как мы. Как мы с тобою.

Слова, как капли с неба,
Упали на страницу.
Пусть всё это случится
На острове. Где не был.

Талисман

Я – великан. Куда там Гулливеру.
Деревья под ногами. Не трава.
И я могу восход увидеть первым.
Моя в высоком небе голова.

Звезду поправлю, чтобы не упала.
И отведу комету от Земли.
И подтолкну. А вдруг она устала
Лететь из неизведанной дали.

Лети хвостатая посланница Вселенной.
Пусть предрекают, глядя на тебя.
И над другой планетой непременно
Зажжется Вифлеемская заря.

Где вы, мои далекие собратья?
По разуму родные племена.
Нам за одним столом пора собраться.
И вместе выпить доброго вина.

Над ними где-то солнце голубое.
И в небо смотрит странный великан.
И у него летит над головою
Моя комета. Вечный талисман.

Железный человек

Свинцовых башмаков
Тяжелые шаги.
В квадратах городов
Расходятся круги.

Железный человек.
И взгляд из под бровей.
И затихает смех
Испуганных людей.

И каждый шаг – печать.
И каждый шаг – клеймо.
Никак не убежать.
Не скрыться от него.

Свинцовых облаков
Картечные дожди.
Свинцовых башмаков
Тяжелые шаги.

Приглашение на казнь

Мистер. Сэр. Товарищ. Господин.
Соблаговолите на рассвете,
Без сопровождающих – один
Быть на казни с пригласительным билетом.

Из одежды, несомненно, фрак.
Туфли. Помодней очки и стрижка.
Знаем, Вы отъявленный чудак,
Но шутить советуем не слишком.

Выбор предлагаемых услуг –
Гильотина, пуля и веревка.
Штраф за мрачный вид и за испуг.
И при исполнении – за неловкость.

Перед казнью маленький фуршет.
«Хенесси», гаванская сигара.
Кресло. Столик. Приглушенный свет.
Выбор: саксофон или гитара.

Для поднятия тонуса – стриптиз.
Мазохистам – по заказу пытки.
Исполняется любой каприз.
Шизофреникам и олигархам – скидки.

И... торжественный подъем на эшафот.
По ковру в цветах. Аплодисменты.

.....

Ожидаем. Прилагаем ниже счет.
Рады понимающим клиентам.

.....

Позвонил. Сказал, что не приду.
Этим летом даже и не ждите.
Да и сам я как-нибудь умру.
Так что без меня. Уж извините.

СЫНОВЬЯМ

В заснеженный день февраля
Допишется мой эпилог.
Отправьте меня сыновья
В последнюю из дорог.

Снежинка прозрачным цветком
Замрет на моей щеке.
Тысячи раз со щитом.
И только один – на щите.

А дальше вам жить без меня.
Так и положено быть.
В марте ручьи прозвенят.
И птички всю просвистят:
Жить. Жить. Жить.

Вам нечего будет делить.
У каждого память – своя.
Вам без меня – жить.
Любимые сыновья.

Нож

Того ножа, что мне порезал руку – я не брошу.
Сам виноват. Знал, с кем имею дело.
С тупым клинком спокойнее и проще.
Не для души, конечно же. Для тела.

Я остриё того ножа точил и правил.
С восторгом, ощущая пальцем жало.
Но забывать я был совсем не вправе –
С ножом так обращаться не пристало.

Мужского рода «нож».
Так принято.
Ну, что же?
Но если он отточен словно бритва?
Она
Как женщина в руках неосторожных.
Опасна.
Если
На мгновенье
Позабыта.

Не торопись

Не торопись. Ты там необходима?
Там весело и всполохи огня.
Тебе там говорят, что ты любима.
Там хорошо.
Но только нет меня.

Останься. Помогу тебе раздеться.
Одежда есть условность бытия.
Но надо уходить? И никуда не деться.
Там хорошо.
Но только нет меня.

Иди. Индиго – цвет моей надежды
Тебе к лицу. Обиды не тая
Я выплываю из-за острова на стрежень.
Там хорошо.
Но только нет меня.

Письма

Храните письма. Те, что не чернилами –
Написанные горечью разлук
С любимыми. Любимым. Для любимых.
Прикосновеньем невесомых рук.

А в них мольба. Призыв и откровение.
И крик и шепот. И падение. И взлет.
И искренность. И ложь. Ложь во спасение
Любви? Так это может быть не в счет?

Они как в море острова открытые.
Их хочется в который раз открыть.
Письмо в несчетный раз уже прочитанное –
Теперь и при желаньи не забыть.

.....

А есть те письма. Те, что не написаны.
Но только нет на свете их нужней.
Как земляника на соломинку нанизаны
Слова. И не сыскать тех слов уже нежней.

И наступит утро

Казалось – ночь всесильна, беспощадна.
Одно движение – и стерты краски дня.
И не найти пути без нити Ариадны.
И не достигнуть в океане звездном дна.

Казалось – ночь владыкой бессердечной
На все земное наложила свою длань.
И безысходность эта бесконечна.
И не наступит больше утро никогда.

И вот когда отчаянье подступит.
И мгла сгустится. Комом в горле – не
вздохнуть.
Все отвернулись. И никто тебя не любит.
И ты не нужен никому ничуть.

Тогда полоскою затеплится надежда
На горизонте светлой бирюзой.
Я изменюсь. Уже не буду прежним.
А все, что было – было не со мной.

Красно-белое

Не малиновый. Ярко-красный.
В сочетании с белым цветом.
Цвет невинности и цвет страсти. –
Вдохновение для поэта.

Белой куртки покрой спортивный.
И перчатки – цвета помады.
Юной девочки взгляд невинный.
Что еще для поэта надо?

Остановленное мгновенье.
Сюр-реальное в красно-белом.
Здравствуй милое Вдохновенье.
Я к тебе прикоснусь несмело.

Бумеранг

Подуй на воду ты, коль обожглась на молоке.
На то она вода. Она все стерпит.
Ты вспомни осень эту в октябре.
И бумеранг, тобою брошенный в конверте.

Вода сквозь пальцы утекает. И в песок.
И испаряется под жарким дуновеньем.
Пусть испарится все. Останется листок
С тем первым, помнишь, для тебя
стихотвореньем.

Подуй на воду. Поворот в твоей судьбе.
На то она вода. Она все стерпит.
И может быть захочется к руке
Такой родной
Прижаться.

.....
Больше
Смерти.

Ну, что ты как ребенок? – говорят.
Как маленький всегда переживаешь.
И все в себе на ключик закрываешь.
И все, что пишешь – все зазря.

Ну, что ты как ребенок? Ведь смешно.
Жить надо без фантазии и проще.
Есть сыновья, жена и даже теща.
И все по полочкам разложено давно.

И повышение зарплаты в январе.
И пенсия, что впереди маячит.
А это что-нибудь, да значит.
В твоей, мне говорят, судьбе.

И можно даже место присмотреть
На здешнем, очень даже неплохом, кладбище.
А ты куда-то рвешься. Что-то ищешь.
Чтоб на чужбине умереть?

Ну, что ты как ребенок? Ерунда.
Как неприкаянный и маленький бродяжка.
Ну, от чего вдруг на душе тебе так тяжело?

.....
А я и не отвечу никогда.

Метаморфоза

Начало дня. И свет забрезжил за домами.
Как моего стихотворения начало.
Кто знает, что случится за день с нами.
А мы не поняли еще, что с нами стало.

Для осознания этого нужна причина.
Взгляд настороженный. Вопрос: а что с тобою?
Граница: Было-Есть неразличима,
Как голоса соседей за стеною.

А день предательски уже к концу подходит.
Задумано одно, а сделано – другое.
И строчки не туда меня уводят.
И в них никак не повстречаюсь я с тобою.

СОН?

Тишина. Исчезли звуки.
Потолок поехал вниз.
И свинцом налились руки.
И с окна упал карниз.

Потолок все ниже. Ниже.
И совсем не потолок.
Господи, да это крышка!
Неужели это гроб?

Стены вдруг пришли в движенье.
Свет погас. И воздух спёрт.
И не быть освобожденью.
И внизу холодный лед.

Крик от стенок, отражаясь,
Проникает прямо в грудь.
А она приподнимается –
Только нечего вдохнуть.

И руками прямо в стены.
И ногами в потолок.
И от напряженья пена
Изо рта, да прямо в гроб.

Крышка давит. Стены давят.
Не видать вокруг не зги.
А под черепом вскипают
В безысходности мозги.

Помоги мне.
Помоги мне.
Помоги мне.
Помоги....

Но, никто мне не поможет.
Не придет на помощь мне.
Натянулась что ли кожа
На бесчувственном лице?

Над землею ночь таится.
Под землею крот шуршит.
Может быть, мне это снится?
Снится?
Снится?
Может быть.

Все будет

Ну, вот и поздний вечер.
И все уgomонились.
Приподнятые плечи
Устало опустились.

И сыграны все роли.
И можно быть собою.
Поплакать тихо, что ли –
С тобою?

И не над тем, что было.
Над тем, чего не будет.
И над такой постылой,
Над нашей книгой судеб.

Такими письменами
Исчертаны скрижали.
О том, что будет с нами –
Мы так и не узнали.

Да, ладно. Будь, что будет.
Загадывать не станем.
День завтра будет труден.
Давай пораньше встанем.

Любит

Негативом черного квадрата
Предо мною белый лист бумаги.
И звучат то фуги, то сонаты
В ожидании свершенья магии.

Сквозь бумагу вдруг слова проступят.
Магнетизмом в воздухе повеет.
Залетит в окно в старинной ступе
Ведьма – невидимым дуновеньем.

Тихо скажет голосом мессира:
Пролила подсолнечное масло
Аннушка – растяпа и разиня.
Страшно!

А каббалистические знаки
Нарисуются на стенах кровью.
И завоюют за окном собаки.
Под луною.

И с пера на лист бумаги капнет
Капля черного, как ночь чернила.
И в одно мгновенье строчкой станет,
Где в конце написано – ЛЮБИЛА.

Отгону подальше наважденье.
И мое перо послушным будет.
Запишу свое стихотворенье.
Завершая строчку словом – ЛЮБИТ.

Не надо

Я искал и искал подходящее слово.
Находил и терял. Ах, какая досада.
Я искал это слово все снова и снова.
Мне сказали – не надо искать. Ну, не надо.

А найдешь это слово – и что же? И что же?
Станет легче тебе? А вот это – навряд ли.
На другие слова это слово совсем не похоже.
Не ищи. Ты не в детстве. И это не прятки.

То, что ищешь – оно безысходно и страшно.
И оно только раз говорится. Ты знаешь?
Скажешь вдруг. И поймешь, что напрасно.
Неужели, ты этого не понимаешь?

Не ищи это слово. Слова есть другие.
Сколько раз говорил их. Такие простые.
Мне сказали – не надо искать. Ну, не надо.
Ну, а я все ищу и теряю. Какая досада.

Не уезжаю. Убегаю.
От всех невзгод, былых измен.
В себе с волнением ожидаю
Я предстоящих перемен.

Я стал другим. Каким – не знаю.
Мне предстоит еще узнать.
Пока я этого желаю –
Живу. Не стоит умирать.

Свобода

Поговорить нам, что ли о свободе?
Любимый, жизненный вопрос.
Как разговоры о погоде –
С тревожным видом и всерьез.

Свобода. Двери тюрем – настежь.
И кандалов тяжелых стук.
Тиран жестокий не у власти.
Свобода. Братство. Счастье. Вдруг.

И флаг придуманный, над нами.
И крик восторженной толпы.
А над дворцом сияет пламя.
Ура! А слышится – увы!

Проходит время. Где свобода?
Лишь полинялый флаг висит.
А в кресле, избранный народом
Тиран по-прежнему сидит.

История

История подобна полотну,
Что соткано из разных нитей судеб.
А значит, надо чувствовать вину
За то, что было, есть и с нами будет.
О, как различны нити в полотне –
Длиной и цветом, прочностью вплетенья.
Какою нитью предстоит и мне
Свою оставить память поколениям?

И снова о детстве

Щемящее чувство щенячье.
И я это чувство не прячу,
Ведь можно объять необъятное
И можно понять непонятное.

Что неразрешимо – лишь кажется.
На подвиги надо отважиться.
Я смелый. Я сделаю. Выполню.
Дойду. Донесу. И не выроню.

Все сбудется, сложится, сможется.
И нечего даже тревожиться.
Все, что захочу я – сумеется.
Всему научусь, разумеется.

Вокруг все привычно-знакомое –
От дерева до насекомого.
Лишь звёздное небо бескрайнее,
Влечет неразгаданной тайною.

Я пил из родников застенчиво-холодных.
По полглотка. С коленей. Чуть дыша.
И воздух был невинным и свободным.
И откровением была полна душа.

Меня гипнотизировал фонтанчик,
Жонглируя песчинками на дне.
В земном поклоне на коленях мальчик.

.....

Тому, что было, благодарен я судьбе.

Тебе, мой мальчик – нежный и наивный
Я ничего о том, что будет, не скажу.
Запомни этот родничок. Запомни иву.
А я в стихи потом переложу.

Свист красногрудых снегирей, щеглов сибирских
Пенье, не уступающее даже соловью.
И запах трав медово-терпких –
Запомни. Я об этом песенку спою.

Запомни солнце – ярче нет его на свете.
Глаза прищурь и в небо подними.
Запомни ласковый и теплый ветер.
И все, что есть на свете – полюби.

Благодарю тебя мой мальчик кареглазый.
Я вырос из тебя и возмужал.
Я в жизни не подвел тебя ни разу.
Родник – начало всех моих начал.

Бес

Расплескала в ночи луна
Серебро.
Ах, как в бороду седина,
Бес – в ребро.

Он злодей, или может герой –
Этот бес?
До сего дня я был с тобой.
Завтра – без.

Успокоилась бы душа,
Нет – скулит.
За душою моей ни гроша,
Ни обид.

Не достанет огонь свечи
До небес.
Или ангел летит в ночи
Или бес.

Одиноким

Если спросит меня Всевышний,
Своим взглядом окинув строгим:
Ты каким был в прошедшей жизни?
Я отвечу, что – одиноким.

Содержание

Все привычно.....	3
Covid.....	4
И ты со мной.....	5
Я не искал любви.....	6
Ещё не всё со мной случилось.....	7
И жизнь одна.....	9
Вирус власти.....	10
Не выходи из комы.....	11
«О чем подумаю в последнюю минуту?...».....	13
«Не становитесь чужими...».....	14
«Больше Богу делать нечего...».....	15
«Нам уже не нужны оперы...».....	16
Начинаю жить.....	17
Может... ..	18
Позабить про счастье.....	19
Сибирская зима.....	20
Мы не товарищи.....	21
Смерть Пушкина.....	22
Не верь.....	23
Никто.....	24
Пусть.....	25
Предаю.....	26
Крым – наш.....	28
Ангелу-хранителю.....	29
Память.....	30
«Сколько страданий и боли...».....	32
Время.....	33
И снова о детстве.....	34

Москва.....	36
Во свет.....	38
Братья наши меньшие.....	39
Не смотришь в зеркало.....	40
«Когда кончается любовь...».....	41
Мелочи.....	42
Вина.....	43
Откровение от Владимира.....	45
Моя Россия.....	46
Перестану.....	47
«Как может обойтись душа без тела...».....	49
Лето на исходе.....	50
Шахта.....	51
Русский язык.....	53
Исчезает.....	55
Ясень.....	56
Украина.....	57
Кто наш Бог?.....	59
«Нам лгут, мы притворяемся, что верим...».....	61
«Карма ли была или судьба...».....	62
«Если нервы не обнажены...».....	63
Гороскоп.....	64
Подлецы.....	65
«Я беспамятством не страдаю...».....	66
Поэты в деревне.....	67
Новый год.....	69
«Плохие стихи. Но горят хорошо...».....	71
Ехал грека через реку.....	72
«Закатился за плинтус...».....	74
Сибирь.....	75

Там, где я был.....	77
Навсегда.....	80
Тьма.....	81
«Уж лучше ненависть ко мне...».....	82
Выборы.....	83
Свет веры.....	84
Юбилеи.....	86
«Мы не ханжи. Ханжи не мы...».....	88
Тревога.....	91
За солнцем.....	92
Русская рулетка.....	93
Вагон жд.....	94
Средняязия.....	95
«Если жить понемногу...».....	96
Потемнело.....	98
Аннушка.....	99
Пишу.....	101
Создание.....	102
«Я выдумываю жизнь себе...».....	103
Кому-что.....	104
Значит, что-то во мне неладно.....	105
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.....	106
Пустозвоны.....	107
Маме.....	108
На смерть поэта.....	110
Февраль.....	112
Поэты от сохи.....	113
«Я ни в каких колоннах не хожу...».....	115
Россия терпеливая.....	116
Не для тебя.....	117

На смерть отца.....	119
Life Must Go On.....	120
Марине Влади.....	121
Все повторяется.....	123
Воруют.....	124
Судьба.....	126
Немного о Кондрате.....	128
Осеннее.....	130
Так ли?	131
Как-то так.....	132
По ком они звонят?	133
Не все, что.....	134
Вот и начало лета.....	135
Одиночество любви.....	136
Перекати-поле.....	137
Не знаю.....	138
«Не верь, не бойся, не проси...».....	139
Сны.....	140
Скелеты в шкафу.....	142
Март.....	144
Нельзя.....	145
Но.....	146
Необитаемый остров.....	147
Не целуй.....	149
Ты сам.....	150
Черный квадрат Малевича.....	151
На выход.....	152
Твой день.....	153
Ушедшему поэту.....	154
Медсестры.....	155

Что такое хорошо?	156
«Точность – вежливость королей...».....	158
Посленовогоднее.....	159
Мой город.....	160
«Поэтам суетиться не пристало...».....	162
Ш... ..	163
«Ты говоришь: стихи от Бога...».....	164
Да и пусть.....	165
«Времени больше нет...».....	166
Дорожное.....	168
Выбор.....	169
Пророк.....	170
«Приоткрылась в клетке дверца...».....	171
Живу.....	172
В Сибири.....	174
«Над тобой печаль кружила...».....	175
Жизнь.....	176
Пожары.....	177
Не проси.....	178
Запойное.....	179
Страдания.....	181
Суицидальное.....	182
Праздники прошли.....	183
Короткая строка.....	185
Секунда.....	186
Друзья.....	187
Осенний дворник.....	188
Поэты.....	189
Было.....	190
Between two hearts.....	191

Ночные часы.....	192
В плацкарте в Сибирь.....	193
Друзьям.....	194
К себе.....	195
Лето. Июль.....	196
Муза.....	197
Умереть.....	198
О советском геологе.....	199
Без правил.....	201
Шахматные мотивы.....	202
Первомайское.....	203
Старый конь.....	204
Эпитафия зубу.....	205
Отсутствие.....	206
Коромысло.....	207
Авантюрист.....	209
Предательство.....	210
Луна.....	212
Будем жить.....	213
Диалог с самим собой.....	214
Сомнения.....	216
Рок-н-ролл жив!	218
Пыль веков.....	220
Я.....	221
Лето.....	222
Убийца времени.....	223
Утро.....	224
Разговор.....	225
Свобода.....	226
Зря.....	227

Назовите.....	228
Циник.....	229
Самогон.....	230
Ожидание зимы.....	231
И это будет.....	232
«Опять ненастье на душе...».....	233
Тело.....	235
Остаться в живых.....	236
A Day In The Life.....	238
Гастрономическая фантасмагория.....	239
«Возникла строчка в голове...».....	241
В себе.....	243
«Десять, девять, восемь, семь...».....	245
Не люблю.....	247
Атеист.....	248
Не надо.....	249
«Легко кивать на обстоятельства...».....	250
Молитва по фене.....	251
Ожидание.....	253
Знаки.....	254
Тот остров.....	255
Талисман.....	256
Железный человек.....	257
Приглашение на казнь.....	258
Сыновьям.....	260
Нож.....	261
Не торопись.....	262
Письма.....	263
И наступит утро.....	264
Красно-белое.....	265

Бумеранг.....	266
«Ну, что ты как ребенок? – говорят...».....	267
Метаморфоза.....	268
Сон?	269
Все будет.....	271
Любит.....	272
Не надо.....	274
«Не уезжаю. Убегаю...».....	275
Свобода.....	276
История.....	277
И снова о детстве.....	278
«Я пил из родников застенчиво-холодных...»..	279
Бес.....	281
Одиноким.....	282

Подписано в печать 11.05.2021 г.

Объем 8,8 уч.-изд. л. Формат 60x84 1/32.

Тираж 200 экз. Заказ №6096.

Отпечатано в типографии «Новый формат»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,

тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,

nf-kniga@yandex.ru,

сайт: типография-новый-формат.рф